

Леблан М.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АРСЕНА ЛЮПЕНА

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Морис Леблан

**Необычайные приключения
Арсена Люпена (сборник)**

«Алгоритм»

1907

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

Леблан М.

Необычайные приключения Арсена Люпена (сборник) /
М. Леблан — «Алгоритм», 1907 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-03416-9

Морис-Мари-Эмиль Леблан (1864–1941) – французский писатель. Работая поначалу репортером в «Фигаро», выпустил несколько сборников новелл, но особого успеха не снискал. Литературным «крестным» отцом Леблана стал влиятельный парижский издатель Пьер Лафит. Он предложил ему придумать героя, который мог бы соперничать по популярности с Шерлоком Холмсом. И Леблан создал Арсена Люпена – образ-миф, в котором французам приятно было узнавать себя: сильный и смелый герой, хитрый, пронырливый и, самое главное, остроумный: он побеждает своих врагов, высмеивая их. Помимо пяти сборников рассказов, пятнадцати романов и трех пьес об Арсене Люпене, Морис Леблан написал также два десятка приключенческих, научно-фантастических, любовных романов и множество рассказов. В данном томе представлен сборник рассказов «Необычайные приключения Арсена Люпена» – самый первый из числа произведений о знаменитом авантюристе, принесших его автору мировую славу.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03416-9

© Леблан М., 1907

© Алгоритм, 1907

Содержание

Как арестовали Арсена Люпена	5
I. Сообщение беспроводного телеграфа	5
II. Кто же Арсен Люпен?	7
III. Арсен Люпен заявляет о своем присутствии на корабле	8
IV. Арсен Люпен арестован	11
Тюрьма ни в чем не мешает Арсену Люпену	13
I. Странное письмо	13
II. Барон Кагорн принимает меры предосторожности	15
III. Ганимар организует охрану	17
IV. Самые большие предосторожности иногда ни к чему не ведут	19
V. Арсен Люпен дает некоторые объяснения	20
VI. Как все произошло	21
VII. Арсен Люпен самый осведомленный человек в мире	23
VIII. Часы сыщика и часы судьбы	24
IX. Обыск	25
X. Полиция подготавливает побег преступника	27
XI. Люпен не попал в ловушку	28
XII. Намерения Люпена	29
XIII. Суд	31
XIV. Преследование по пятам	34
XV. Разрешение необъяснимой загадки	36
Арсена Люпена обокрали	38
I. Таинственный путешественник	38
II. Беспрецедентное нападение. Кто это?	41
III. Это был Арсен Люпен!.. Неразрешимая задача	44
IV. Погоня. Состязание автомобиля с паровозом	46
V. Арсен Люпен задерживает разыскиваемого полицией убийцу	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Морис Леблан

Необычайные приключения

Арсена Люпена

Сборник рассказов

Как арестовали Арсена Люпена

I. Сообщение беспроволочного телеграфа

Вот так путешествие! И, однако, оно так хорошо началось! Никогда еще не путешествовал я при лучших условиях. «Прованс» – быстроходный, удобный трансатлантический пароход и управляется одним из самых любезных капитанов. Самое избранное общество собралось на нем. Завелись знакомства, устраивались общие развлечения. Всеми нами овладело восхитительное чувство полного разъединения со всем миром, заставлявшее нас, словно жителей необитаемого острова, ближе сойтись друг с другом. И последняя связь между миром, с которым мы только что расстались, и нашим маленьким плавучим островом мало-помалу ослабевала и порвалась наконец среди океана.

В пятистах милях от Франции в один бурный день беспроволочный телеграф принес нам следующую новость: «Арсен Люпен на вашем пароходе в первом классе. Блондин, рана на правой руке. Путешествует один под именем Р...» Как раз в этот момент страшный удар грома словно рассек мрачное небо, и электрический ток прервался. Конец телеграммы не дошел до нас, и из имени, под которым скрывался Арсен Люпен, мы узнали только начальную букву.

Будь эта новость другого содержания, она, без сомнения, сохранилась бы в тайне. Но бывают известия, против которых никакая сдержанность, никакая скромность не устоит, и в этот же день мы все узнали, неизвестно каким образом, что Арсен Люпен среди нас.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый вор, виртуоз, о поразительных подвигах которого твердили все газеты в продолжение нескольких месяцев! Загадочная личность, с которой старик Ганимар, наш лучший сыщик, затеял борьбу не на жизнь, а на смерть, борьбу, полную интереснейших приключений.

Арсен Люпен, фантастическая личность, оперирующая только в замках и важных салонах. Проникнув однажды ночью к барону Шорману, он вышел оттуда с пустыми руками, оставив барону свою визитную карточку со словами: «Вернусь, когда у вас окажутся настоящие драгоценности».

Арсен Люпен! Человек, постоянно меняющий наружность... Он то шофер, то тенор, то букмекер, то сын почтенных родителей, юноша, старик, коммивояжер из Марселя, русский врач, испанский тореадор...

И вообразить, что Арсен Люпен мог свободно прогуливаться по сравнительно небольшому трансатлантическому пароходу? Что я говорю! По маленькому салону первого класса, где ежеминутно встречаешь друг друга: в столовой, в курительной! Арсеном Люпеном мог быть вот этот господин или вот тот... мой сосед за столом, мой сосед по каюте...

– И так будет продолжаться еще пять дней и пять ночей! – воскликнула на следующий день мисс Нелли Ондердаун. – Но ведь это невыносимо! Надеюсь, что его арестуют? Послушайте, мистер Андреzi, – обратилась она ко мне, – вы так хороши с капитаном... Неужели вы ничего не узнали?

О, я очень хотел бы узнать что-нибудь, хотя бы для того, чтобы понравиться мисс Нелли. Это было одно из тех прекрасных созданий, которые везде, где только появляются, занимают первое место.

Их красота, их богатство ослепляют всех; они всегда окружены, ими восхищаются, их обожают. Воспитанная в Париже матерью-француженкой, она теперь возвращалась к отцу, богачу из Чикаго. Подруга ее, леди Джерленд, сопровождала ее.

С первого момента знакомства я решил заняться с ней флиртом, но когда совместное путешествие сблизило нас, я слишком глубоко почувствовал ее очарование, особенно когда взгляд ее больших черных глаз останавливался на мне.

Однако она принимала мое ухаживание довольно благосклонно.

Меня беспокоил только один соперник – довольно красивый молодой человек, элегантный, молчаливый, сдержанность которого она, казалось, предпочитала иногда моей свободной, чисто парижской манере обращаться с женщиной.

Он находился как раз в числе обожателей, окружавших мисс Нелли, когда она обратилась ко мне со своим вопросом.

II. Кто же Арсен Люпен?

Все мы сидели на палубе, удобно приютившись в качалках и креслах.

Вчерашняя буря очистила небо. Был великолепный день.

– Я ничего достоверного не знаю, мадемуазель, – отвечал я, – но почему бы нам самим не заняться следствием и так же искусно, как это сделал бы старик Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

– Задача в действительности совсем не так сложна, раз мы имеем данные для ее решения. Во-первых, Люпен называется господином Р... Во-вторых, он путешествует один и, в-третьих, он блондин. Не начать ли нам с проверки списка пассажиров первого класса и с исключения неподходящих лиц?

В кармане у меня лежал список.

Я вынул его и прочел.

– Отмечу сперва тринадцать лиц, инициалы которых обращают на себя наше внимание. Из этих тринадцати, в чем вы можете убедиться, девять путешествуют с женами, детьми или слугами. Останутся четверо: маркиз де Равердан...

– Секретарь посольства, – прервала мисс Нелли, – я его знаю.

– Майор Раусон...

– Мой дядя, – сказал кто-то.

– Господин Ривольта...

– Здесь! – отозвался один из нашего кружка, итальянец, с лицом, густо обросшим черною, как смоль, бороною.

Мисс Нелли громко рассмеялась.

– Господин Ривольта не очень-то похож на блондина. Из этого мы должны заключить, – продолжал я, – что преступник последний по списку, то есть Розен. Кто знает господина Розена?

Никто не отвечал. Но мисс Нелли, подозвав к себе молчаливого юношу, постоянное ухаживание которого не давало мне покоя, сказала ему:

– Как, мистер Розен, вы не отвечаете?

Все посмотрели на него. Он оказался блондином. Признаюсь, сердце мое дрогнуло.

Неловкое молчание общества доказывало ясно, что и все присутствующие ощутили такое же волнение. И, однако, подозревать его было бессмысленно, так как ничто в его манерах не давало повода к подозрениям.

– Почему я не отвечаю? – сказал он. – Да потому, что, приняв во внимание мое имя и цвет моих волос, я сам пришел к заключению, что, согласно выясненным данным, меня надо арестовать.

Странное было у него лицо при этих словах. Его тонкие губы сделались еще тоньше и побледнели, глаза налились кровью.

Разумеется, он шутил, но его лицо и манеры произвели на нас тяжелое впечатление.

Мисс Нелли наивно спросила его:

– Но ведь у вас нет раны?

– Правда, – сказал он, – раны не хватает.

И нервным жестом он засучил рукав и показал руку.

Тогда внезапная мысль осенила меня, и мои глаза встретились с глазами мисс Нелли: он показал левую руку.

Честное слово, я собирался сделать замечание по этому поводу, но в ту минуту новое событие привлекло наше внимание.

III. Арсен Люпен заявляет о своем присутствии на корабле

Леди Джерленд стремительно подбежала к нам, расстроенная, потрясенная. Все окружили ее, но лишь после долгих усилий она могла наконец пролепетать:

– Мои драгоценности, мои жемчуга... все украдено!

Нет, не все было украдено, как мы потом узнали. Интересно, что кража совершена была с большим выбором. Из бриллиантовой звезды, из подвески с рубиновыми кабошонами, из сломанных ожерелий и браслетов были вынуты не самые большие, но самые лучшие камни, те, которые, представляя наибольшую ценность, вместе с тем занимали меньше всего места. Для своей работы вор воспользовался часом, когда леди Джерленд пила чай, и в узком проходном коридоре среди бела дня выломал дверь каюты, отыскал мешочек, спрятанный на дне картонки из-под шляпы, и выбрал, что ему понравилось. Все разом вскрикнули. У всех была одна и та же мысль: бриллианты украл Арсен Люпен!

Действительно, только он и мог совершить такую необыкновенную кражу, таинственный и неуловимый, как всегда.

Следствием кражи было то, что за обедом места по обе стороны Розена остались свободными. А вечером все узнали, что капитан призывал его к себе для объяснений.

Его арест, в котором никто не сомневался, подействовал на общество облегчающим образом. Наконец-то можно было вздохнуть свободно! Вечером играли в разные игры, танцевали. В особенности мисс Нелли была поразительно весела, доказывая этим, что если она и принимала благосклонно ухаживания Розена, то теперь о нем больше не вспоминала. Я был окончательно побежден и ночью, при ясном свете луны, я признался ей в моей преданности с волнением, которое, казалось, понравилось ей.

На следующий день, к общему изумлению, стало известно, что улики против Розена оказались недостаточными и его освободили.

Сын солидного негоцианта из Бордо, он представил бумаги, найденные в полном порядке. Кроме того, на руках его не оказалось следов раны.

– Бумаги, метрические свидетельства! – воскликнули враги Розена. – Но Арсен Люпен доставит вам их сколько угодно. А что касается раны, то, значит, у него ее и не было.

Им возражали, что в момент кражи (и это было доказано) Розен гулял на палубе. На это послышался ответ: «Разве такому человеку, как Арсен Люпен, необходимо присутствовать при краже, совершаемой им самим?!»

И притом, помимо иных соображений, был один пункт, которого даже самые завзятые скептики не могли опровергнуть: какой блондин, кроме Розена, путешествовал один и носил имя, начинающееся с буквы «р»? Несомненно, телеграмма говорила о Розене.

И когда Розен за несколько минут до завтрака храбро направился к нашей группе, мисс Нелли и леди Джерленд встали и ушли: ясное доказательство, что они его боялись.

Час спустя рукописный циркуляр ходил из рук в руки между служащими парохода, матросами и пассажирами всех классов:

«Луи Розен обещал сумму в десять тысяч франков тому, кто обнаружит Арсена Люпена или найдет похитителя драгоценностей».

– А если никто не поможет мне разыскать этого разбойника, – объявил Розен капитану, – то я один справлюсь с ним.

Розен против Арсена Люпена, или скорее, как потихоньку говорили, Арсен Люпен против Арсена Люпена. Борьба обещала быть интересной!

Она продолжалась два дня. Все видели, как Розен бродил по палубе, вступал в разговоры со служащими, расспрашивал, допытываясь истины.

Даже ночью бродил он, как тень, то тут, то там. Капитан, со своей стороны, проявлял самую энергичную деятельность. Все уголки «Прованса» были тщательно обысканы.

Осмотрели все каюты без исключения под справедливым предлогом, что вещи могли быть спрятаны в любом месте, только не в каюте самого вора.

– Ведь найдут же наконец что-нибудь, не правда ли? – спросила меня мисс Нелли. – Будь он волшебник, и то все-таки не может сделать бриллианты и жемчуга невидимыми!

– Почему же не может? – возразил я. – Впрочем, надо было бы осмотреть еще подкладки наших шляп, жилетов и вообще всю нашу одежду.

И, показав на фотографический аппарат, которым я не переставал снимать ее в различных позах, я прибавил:

– Вот хоть бы в таком маленьком аппарате разве не нашлось бы места для всех драгоценностей леди Джерленд? Делаешь вид, что снимаешь, – и дело в шляпе!

Обыск не дал никакого результата, кроме одного, восхитительного по своему комизму: у капитана украли часы!

Взбешенный, он удвоил усердие и еще тщательнее стал следить за Розеном, с которым имел несколько свиданий.

На следующий день часы нашлись между воротничками помощника капитана.

Все это походило на чудеса, ясно обрисовывая обычную манеру Арсена Люпена, умевшего издеваться над заинтересованными в деле лицами.

Он был вполне артистом своего дела и, когда я следил за Розеном, мрачным, упорным, и думал о двойственной роли, которую должен был разыгрывать знаменитый мошенник, я не мог говорить о нем без некоторого восхищения. Но вот в предпоследнюю ночь вахтенный офицер услышал стоны в самом темном углу палубы. Приблизившись, он увидел какого-то человека, лежавшего на полу; голова его была закутана толстым серым шарфом, руки связаны тонким шнурком.

Когда его развязали, подняли, привели в себя, он оказался – Розеном.

Да, это был Розен, на которого напали во время одной из его ночных экскурсий, связали и ограбили. Визитная карточка, приколотая булавкой к его одежде, гласила: «Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков, обещанных Розеном».

В действительности в похищенном портфеле находились двадцать тысяч.

Конечно, несчастного обвинили в симуляции, но помимо того, что ему самому невозможно было связать себя таким образом, было удостоверено, что почерк на визитной карточке несколько не был похож на почерк Люпена, воспроизведенный в одной газете, найденной на «Провансе».

Итак, Розен не был Арсеном Люпеном, присутствие которого на корабле подтвердилось, однако, еще раз, да еще таким трагическим образом!

Паника охватила все общество. Никто не осмеливался более оставаться один в каюте, тем более отваживаться на прогулки по отдаленным местам парохода. Те, которые были уверены друг в друге, благоразумно предпочитали собираться все вместе, и даже между самыми близкими возникло инстинктивное недоверие. Ведь всем угрожала не одна какая-нибудь личность, которую можно было выследить и сделать безопасной, – нет, Арсеном Люпеном мог оказаться каждый. Наше возбужденное воображение приписывало ему таинственную и безграничную власть. Предполагали, что он в состоянии замаскироваться самым неожиданным образом и превратиться то в уважаемого майора Раусона, то в благородного маркиза де Равердана или даже, отбросив уличавшую его букву Р, в любую личность, хотя бы известную всем, имеющую жену, детей, слуг и т. д.

Депеши беспроволочного телеграфа с американского берега не принесли, по-видимому, никаких известий, по крайней мере капитан ничего нам не сообщил. Его молчание не могло никого успокоить, поэтому последний день казался нам бесконечно длинным. Мы провели

его в тоскливом ожидании приближающегося несчастья: ни кражи, ни простого нападения, а преступления, убийства...

Трудно было предположить, что Люпен удовольствуется лишь двумя незначительными кражами. Так как судовое начальство было бессильно, ему, неограниченному властелину парохода, стоило только захотеть. Все было в его власти: и жизнь людей, и их имущество!

То было чудное время для меня, так как ему я обязан доверием ко мне мисс Нелли. Потрясенная всеми этими происшествиями, робкая по природе, она постоянно искала возле меня защиты и безопасности, и это доставляло мне наслаждение. В душе я благословлял существование Арсена Люпена. Не он ли нас сблизил? Не по его ли милости я имел право предаваться чудным мечтам? То были и мечты о любви, и мечты не совсем платонические, – почему мне не сознаться в этом?

Род д'Андрези из Пуату – древний род, но герб его давно потускнел, и мне кажется, что желание придать ему прежний блеск вполне достойно дворянина.

Я чувствовал, что мои мечты нисколько не оскорбляли Нелли. Ее улыбающиеся глаза поощряли меня, нежность ее голоса подавала надежду. И до последнего момента мы не расставались, облокотившись рядом на борт парохода. А берега Америки все приближались и приближались. Розыски прекратились. Ждали конца. От первого класса до последних мест, где помещались эмигранты, все жадно ждали последней минуты, когда наконец объяснится неразрешенная загадка: под каким именем, под какою маской скрывался знаменитый Арсен Люпен?

IV. Арсен Люпен арестован

И эта последняя минута наконец наступила! Проживи я еще сто лет, я не забуду ни малейшей ее подробности.

– Как вы бледны, мисс Нелли! – сказал я своей спутнице, в совершенном изнеможении опиравшейся на мою руку.

– Вы также, – ответила она, – вы страшно изменились в лице.

Спустили трап. Прежде чем нам предоставили доступ к нему, на борт поднялись таможенные чиновники, полицейские, комиссионеры.

– Меня не удивит, если Арсен Люпен окажется сбежавшим во время нашего плавания, – шепнула мне мисс Нелли.

Вдруг я вздрогнул и, отвечая на ее вопрос, сказал:

– Видите ли вы этого маленького старика, что стоит у трапа?

– С зонтиком и в оливковом пиджаке?

– Да. Это Ганимар.

– Ганимар?

– Да. Известный сыщик – тот самый, который поклялся, что собственноручно арестует Арсена Люпена.

– Теперь я понимаю, почему с этого берега мы не имели о нем никаких сведений. Ганимар здесь! Он не любит, чтобы вмешивались в его дела.

– Кто знает! Кажется, Ганимар всегда видел его заgrimированным и переодетым. Может быть, впрочем, он знает его вымышленное имя.

– Ах, – сказала она с чисто женским любопытством, – как бы я хотела присутствовать при его аресте!

– Имейте терпение. Конечно, Люпен уже заметил присутствие своего врага и предпочтет сойти с парохода одним из последних, когда старик уже утомится.

Высадка началась. Опершись на зонтик с равнодушным видом, Ганимар, казалось, не обращал внимания на толпу, теснившуюся у трапа.

Я заметил, что офицер береговой стражи, стоявший за его спиной, давал ему время от времени какие-то указания.

Маркиз де Равердан, майор Раусон, итальянец Ривольта и много еще людей прошли мимо него. Потом я заметил приближающегося Розена. Бедный Розен, он еще не оправился после своих злоключений!

– А вдруг это все-таки он, – сказала мисс Нелли. – Как вам кажется?

– Я думаю, что было бы очень интересно снять на одной пластинке Ганимара и Розена. Возьмите-ка мой аппарат, у меня столько вещей в руках!

Я передал ей мой аппарат, но слишком поздно для того, чтобы им воспользоваться. Розен уже спустился.

Офицер шепнул что-то Ганимару, который слегка пожал плечами, и Розен прошел.

Но, боже мой, кто же был наконец Арсен Люпен?

Оставалось не более двадцати пассажиров.

– Мы уж не можем больше ждать, – сказал я мисс Нелли.

Не прошли мы и десяти шагов, как Ганимар остановил нас.

– Это что такое? – воскликнул я.

Он пристально посмотрел на меня, потом, не сводя с меня глаз, сказал:

– Ведь это вы Арсен Люпен?

Я засмеялся:

– Нет, только Бернارد д'Андреши.

– Бернард д'Андреzi умер в Македонии три года назад. Я с удовольствием объясню вам, как вы завладели его бумагами.

– Но вы с ума сошли! Арсен Люпен сел на пароход под именем Р...

– Да, да, это одна из ваших штук! Ложный след, на который вы направили следствие. О, вы мастер своего дела, мой милый. Но на этот раз судьба против вас. Ну-ка, Люпен, покажите себя искусным актером!

И резким ударом он хватил меня по правой руке. Я не мог удержаться и вскрикнул от боли: он ударил по ране, которая еще не вполне зажила, о ней-то и упоминалось в телеграмме. Приходилось покориться.

Я обернулся к мисс Нелли. Она слушала нас, бледная как смерть, едва держась на ногах.

Ее глаза встретились с моими, потом невольно опустились на фотографический аппарат, который я ей передал. Она сделала резкое движение, и я почувствовал, я уверился, что она вдруг все поняла.

Да, все лежало там, между кожаными полосками маленькой камеры, которую я предусмотрительно передал ей раньше, чем Ганимар арестовал меня, – и двадцать тысяч франков Розена, и драгоценности леди Джерленд.

Ах, клянусь, в эту торжественную минуту, когда Ганимар и его два помощника окружили меня, все стало мне безразлично: и моя разбитая теперь жизнь, и сам арест, и злорадство моих врагов, все, кроме одного: на что решится мисс Нелли, держа в руках мой аппарат? Я даже несколько не опасался этого вещественного, неоспоримого доказательства моей виновности, но я жадно ждал, решится ли Нелли отдать им в руки это доказательство? Она ли выдаст меня, погубит? Поступит ли она как враг, который не прощает, или как женщина, которая не забывает и презрение которой смягчено снисходительностью и невольным состраданием?

Она прошла мимо меня, я молча низко поклонился ей. Присоединившись к толпе пассажиров, она направилась к трапу, держа в руке мой аппарат.

«Она не решится выдать меня при публике, – подумал я, – но завтра или послезавтра она представит мою вещь в полицию».

Дойдя до середины трапа, умышленным неловким движением она уронила аппарат в воду, между набережной и пароходом, и удалилась.

Ее прелестная фигура исчезла в толпе, потом снова мелькнула и исчезла навсегда.

Конечно, конечно, навеки!

На одно мгновение я замер, удрученный горестью, смешанной, однако, со сладким умилением, потом со вздохом прошептал к великому удивлению Ганимара:

– А все-таки горько не быть честным человеком.

Тюрьма ни в чем не мешает Арсену Люпену

І. Странное письмо

Тот, кто, путешествуя по Франции, не видел маленький замок Малаки, так гордо возвышающийся на скале над Сеной, тот не заслуживает звания туриста. Мост в виде арки соединяет замок с дорогой. Темные основания его башен сливаются с глыбами гранита, бог знает как попавшими в эту местность.

История замка так же мрачна, как его имя¹ и самый вид его. Это были сплошные войны, осады, штурмы, грабежи и резня. Еще и теперь в зимние вечера вспоминают в соседних деревнях преступления, совершавшиеся в замке; о них сложились целые легенды.

Особенно часто рассказывают о подземном ходе, который когда-то вел к заброшенному теперь аббатству.

В этом былом притоне героев и разбойников живет барон Натан Кагорн. Разоренные владельцы Малаки вынуждены были продать разбогатевшему на бирже еврею обиталище своих предков. Барон поместил там свои великолепные коллекции мебели, картин и серебра. Он поселился один с тремя старыми слугами. Никто не мог проникнуть в замок, никто никогда не любовался принадлежащими его владельцу тремя Рубенсами, двумя Ватто и другими редкими произведениями искусства, приобретенными бароном за большие деньги на различных распродажах. Каждый день с заходом солнца четыре кованые двери, находящиеся на двух концах моста и ведущие во двор, запирались тяжелыми засовами. Со стороны Сены нечего было бояться: скала круто обрывалась к реке.

В одну из пятниц сентября на мосту, как обыкновенно, показался почтальон, принесший заказное письмо на имя барона.

Тот расписался, взял письмо, сам тщательно задвинул засовы за почтальоном и, пройдясь несколько раз взад и вперед по двору, прислонился к перилам моста и вскрыл конверт.

Там находился листок бумаги с заголовком: «Париж. Тюрьма Санте.»

Он взглянул на подпись: «Арсен Люпен»!

Пораженный, он прочел:

«Барон! В галерее, соединяющей две залы, находится картина великолепной работы Филиппа Шомпена. Мне она очень нравится. Ваши Рубенсы тоже в моем вкусе, как и маленький Ватто. В зале направо я наметил буфет Людовика XIII и столик в стиле Empire работы Жакоба. В зале налево я хотел бы взять витрину с миниатюрами и камнями. На этот раз я удовольствуюсь, может быть, только вещами, наиболее удобными для перевозки. Прошу вас хорошенько уложить их и отправить в течение недели на вокзал Батиньоль. В противном случае я сам приму меры для отправки их в ночь с 27 на 28 сентября. О других своих планах сообщу впоследствии.

Извиняясь за доставленное вам беспокойство, прошу принять уверение в совершенном почтении.

Арсен Люпен.

P.S. Пожалуйста, не присылайте мне большого Ватто. Хотя вы и заплатили за него 30 000 франков, но это только копия. Оригинал был сожжен Баррасом в одну из оргий во времена Директории.

¹ *Malaquis* – худо приобретенный.

Мне не надо также цепи Людовика XV; в ее подлинности я также сомневаюсь».

II. Барон Кагорн принимает меры предосторожности

Это письмо ошеломило барона. Читая постоянно газеты и зная все, что касалось краж и грабежей, он не мог не знать о проделках Арсена Люпена. Конечно, он знал, что Арсен Люпен, задержанный в Америке знаменитым сыщиком Ганимаром, был заключен в тюрьму и что его дело уже разбиралось. Но чего нельзя было ожидать от Арсена Люпена! И к тому же – такое точное знание замка и расположения его картин и мебели! Кто дал ему сведения о вещах, которых никто никогда не видел?...

Барон взглянул на грозный силуэт Малаки, на крутые скалы, служащие основанием замку, на глубокую воду, окружающую его, и пожал плечами. Нет, конечно, не было ни малейшей опасности! Никто в мире не мог проникнуть в хранилище его драгоценностей.

Никто, конечно, но Арсен Люпен?

В тот же вечер барон написал в Руан прокурору, послал ему смутившее его письмо и просил помощи.

Ответ пришел на другой день: тот, кто назывался Арсеном Люпенем, находится в настоящее время в тюрьме под строгим надзором, не имеет ни малейшей возможности писать, и потому его письмо могло быть только делом мистификации. На всякий случай произвели экспертизу письма. Несмотря на некоторое сходство, почерк писавшего не был почерком заключенного.

Страх барона все возрастал. Он тысячу раз перечитывал письмо. С какой уверенностью говорил незнакомец! Подозревая всех в измене, барон не мог довериться своим слугам, в преданности которых раньше он был вполне уверен. В первый раз за многие годы он почувствовал потребность с кем-нибудь поговорить и посоветоваться: он боялся. Имя Арсена Люпена преследовало его.

Прошло два дня. На третий день, читая местную газету, он вздрогнул от радости. Там он нашел следующую заметку:

«Уже в продолжение трех недель мы имеем удовольствие видеть среди нас главного инспектора тайной полиции, знаменитого Ганимара. Г. Ганимар, которому арест Арсена Люпена доставил европейскую известность, отдыхает от своих долгих трудов, занимаясь рыбной ловлей в нашем скромном городке».

От замка до города было только час ходьбы. Барон сейчас же отправился туда. После нескольких неудачных попыток узнать адрес Ганимара он отправился в редакцию газеты, расположенную на набережной. Он встретил там автора заметки, который, подойдя к нему, воскликнул:

– Ганимар? Да вы наверняка встретите его на набережной с удочкой в руке. Там мы с ним и познакомились. Я случайно прочел его фамилию, вырезанную на его удочке. Маленький старичок в сюртуке и соломенной шляпе... Станный человек: неразговорчивый и довольно мрачный.

Спустя пять минут барон подошел к Ганимару, представился ему и рассказал свое дело.

Тот его выслушал, не двигаясь и не теряя из виду удочки, за которой он следил, потом, повернувшись к нему, сказал:

– Обыкновенно не предупреждают людей, которых хотят обокрасть. Тем более Арсен Люпен не сделает такой глупости.

– Однако...

– Если бы у меня было хоть малейшее сомнение, то удовольствие засадить этого джентльмена еще раз взяло бы верх над всеми другими соображениями. Но Люпен под замком!

– А если он убежит?

– Из тюрьмы Санте не убегают.

– Но он...

– Тем лучше, я его снова поймаю. А пока спите спокойно и не пугайте моих пескарей.

Барон вернулся к себе. Такая уверенность немного успокоила его. Он осмотрел замки и проследил за слугами. Прошло двое суток; приближалось роковое число.

III. Ганимар организует охрану

Во вторник барон получил телеграмму:

«Никакого багажа на вокзале Батиньоль. Приготовьте все к завтрашнему вечеру».

Испуганный, он поспешил в город. Ганимар на том же самом месте сидел на складном стуле. Не говоря ни слова, барон протянул ему телеграмму.

– Ну а дальше? – спросил Ганимар.

– Дальше? Но это ведь завтра! Надо принять меры.

– Ах так! Неужели вы воображаете, что я буду заниматься этой глупой историей!

– Какое вознаграждение хотите вы получить за то, что проведете ночь с 27 на 28 сентября в моем замке?

– Ни гроша, оставьте меня в покое!

– Назначьте вашу цену: я богат.

Ганимар посмотрел на него и спокойно сказал:

– Я здесь в отпуске и не имею права вмешиваться...

– Никто этого не узнает. Что бы ни случилось, я обязуюсь хранить молчание. Слушайте: довольно вам трех тысяч франков?

– Хорошо. Только разве можно ручаться за что-нибудь с этим негодяем Люпенем! В его распоряжении, наверное, целая шайка... Уверены ли вы в своих слугах?

– Как вам сказать...

– В таком случае не будем на них рассчитывать. Я сейчас предупрежу телеграммой двух своих помощников... А теперь уходите, чтобы нас не видели вместе. До завтра, к девяти часам.

За десять минут до назначенного часа барон отпустил своих слуг. Они жили во флигеле, выходящем на дорогу в конце замка. Оставшись один, он осторожно открыл двери и через минуту услышал шум приближающихся шагов.

Ганимар представил своих двух помощников и попросил дать некоторые объяснения. Ознакомившись с расположением замка, он закрыл и забаррикадировал все входы в залы, которым угрожала опасность. Он осмотрел стены, приподнял ковры и наконец поместил своих агентов в центральной галерее.

– Будьте внимательны! При малейшем движении откройте окна во двор и зовите меня. Обратите внимание на сторону, обращенную к реке. Десять метров крутого обрыва не испугают таких господ, как они.

Он запер двери, взял ключи и сказал барону:

– А теперь – на наш пост!

На ночь он выбрал для себя комнату с двумя дверями, служившую раньше сторожкой. Одно окно ее выходило на мост, а другое – во двор. В одном углу находилось углубление, напоминавшее отверстие колодца.

– Вы сказали, барон, что это единственный выход из замка в подземелье, по рассказам, уже давно закрытый?

– Да.

– Значит, если не существует другого хода, мы можем быть совершенно спокойны.

Он поставил в ряд три стула, улегся на них поудобнее и, вздохнув, закурил трубку.

– Да, барон, очень велико у меня желание накопить побольше денег на домик, где я собираюсь провести мои последние дни, если я согласился на такое пустое дело. Я расскажу потом эту историю Люпену, и он будет покатываться со смеху.

Барон не смеялся. Он со страхом прислушивался к малейшему шуму. Одиннадцать часов, двенадцать, наконец пробил час.

Вдруг он схватил руку Ганимара, который сразу вскочил.

– Вы слышите?

– Очень хорошо, это рожок автомобиля. Спокойной ночи!

IV. Самые большие предосторожности иногда ни к чему не ведут

Эта была единственная тревога. Ганимар спокойно заснул, и барон ничего не слышал, кроме его звучного и равномерного храпа.

На рассвете они вышли из своей каморки. Полная тишина, тишина раннего утра на берегу реки царила в замке. Довольный, сияющий от радости Кагорн и неизменно спокойный Ганимар поднялись по лестнице. Все тихо. Ничего подозрительного. Ганимар взял ключи и пошел в галерею.

Согнувшись, со спущенными руками его помощники спали на двух стульях.

– Черт возьми! – проворчал инспектор.

В ту же минуту барон воскликнул:

– Картины!.. Буфет!..

Он произносил несвязные слова, задышался и протягивал руки к пустым местам, к обнаженным стенам, где торчали крюки и болтались ненужные теперь веревки.

Исчез Ватто, сняты Рубенсы, сорваны гобелены, и витрины с драгоценностями опустели!

В отчаянии барон бегал по зале и вслух вспоминал цены, которые заплатил за свои сокровища. Можно было подумать, что это человек совершенно разоренный, которому, кроме пули в лоб, ничего не оставалось.

Если что-нибудь и могло еще его утешить, это было только изумление самого Ганимара. Он осматривал окна: они были закрыты. Замки у дверей не тронуты. Порядок был полный. Все, по-видимому, исполнено по заранее обдуманному плану.

Ганимар бросился к двум своим агентам и начал их трясти. Они не просыпались. Тогда он посмотрел на них с большим вниманием и заметил, что они спали сном, не похожим на естественный. Их усыпили!

Но кто же?

Да он, конечно!.. Или его шайка, под его управлением. Это его манера. След его виден во всем.

– Я даже думаю, барон, что он нарочно позволил мне арестовать себя в Америке!

– Что же? Я должен, значит, отказаться от своих картин, от всего? Но ведь он украл перлы моей коллекции! Я бы отдал много, чтобы только вернуть их. Если с ним ничего не могут сделать, пусть он сам назначит свою цену.

– Вот это разумно! Вы не возьмете обратно своих слов?

– Нет, нет, нет!..

– Итак, если следствие ничего не выяснит, я посмотрю... я подумаю... Но если вы хотите, чтобы это удалось, то ни слова обо мне!

Затем он сквозь зубы прибавил:

– Да к тому же мне нечем хвастаться!

Между тем оба помощника пришли в себя. Ганимар стал их расспрашивать, но они ничего не помнили.

– Не пили ли вы чего-нибудь?

Подумав, один из них сказал:

– Немного воды из этого графина.

Ганимар понюхал воду, попробовал ее. Она не имела ни особого запаха, ни вкуса.

В тот же день бароном было предъявлено обвинение Арсену Люпену, содержавшемуся в тюрьме Санте в краже вещей из его замка.

V. Арсен Люпен дает некоторые объяснения

Когда барон должен был предоставить свой замок в распоряжение жандармов, прокурора, судебного следователя, репортеров и вообще всех любопытных, которые проникали всюду, – даже туда, куда было совершенно не нужно, – он не раз пожалел о своей жалобе.

Общество уже занялось этим делом.

Сейчас же появились фантастические догадки. Вспомнили знаменитый подземный ход, и прокурорский надзор производил свои розыски в этом направлении. Снизу доверху пересмотрели весь замок. Осматривали каждый камень, полы, печки... При свете факелов осмотрели все погребя, где когда-то владельцы Малаки складывали свои запасы провизии. Буравили даже скалу. Все было напрасно. Не нашли ни малейшего признака подземного хода.

– Это все так, – говорили со всех сторон, – но ведь картины и мебель не могут исчезать, как призраки. Они переносятся через окна или через двери, и люди, которые ими завладевают, входят и выходят также через окна и двери.

Убедившись в своем бессилии, прокурорский надзор просил себе на помощь агентов из Парижа. Решено было обратиться к содействию Ганимара, услуги которого имели случай оценить уже неоднократно. Ганимар молча выслушал рассказ о краже, покачал головой и заметил:

– Я думаю, что идут по ложной дороге, так настойчиво обыскивая замок. Решение находится не там.

– Но где же?

– Около Арсена Люпена.

– Вы, значит, того мнения, что это он...

– Он один мог исполнить такой широкий замысел. Но пусть не ищут ни подземного хода, ни поворачивающихся камней, ни другого вздора в этом роде. Этот человек не употребляет таких старинных приемов, он более чем современен. Я прошу позволения побыть с ним один час. Возвращаясь из Америки, мы поддерживали с ним во все время пути великолепные отношения, и я даже осмеливаюсь сказать, что он чувствует некоторую симпатию к тому, кто сумел его арестовать. Если он сможет, не ставя себя в неловкое положение, дать мне некоторое объяснение, то он не поколеблется избавить меня от бесполезного путешествия.

Было немного позже полудня, когда Ганимар был введен в камеру Люпена. Тот, лежа на кровати, поднял голову и вскрикнул от радости:

– Вот сюрприз! Я очень огорчен, что не могу принять вас как следует. Извините меня, но я здесь мимоходом... Боже мой, как я счастлив, что вижу, наконец, порядочного человека! С меня уже довольно всех этих шпионов и сыщиков, по десять раз в день выворачивающих мои карманы и обшаривающих мою скромную комнату, чтобы убедиться в том, что я не собираюсь убежать. Но чему я обязан удовольствием видеть вас у себя?...

– Дело Кагорна, – сказал коротко Ганимар.

– Подождите! Одну секунду!.. У меня столько этих дел... Ах да, я вспомнил! Вам, конечно, не надо объяснять, как далеко ушло следствие? Я даже позволю себе сказать вам, что оно очень недалеко ушло.

– Потому-то именно я и обращаюсь к вашей любезности.

– К вашим услугам.

– Прежде всего: дело было ведено вами?

– От начала до конца!

– А письмо с предупреждением? Телеграмма?

– Вашего покорного слуги. У меня должны быть где-то даже расписки.

VI. Как все произошло

Арсен открыл ящик маленького столика из некрашеного дерева, который вместе с кроватью и табуреткой составляли всю обстановку комнаты, достал оттуда два клочка бумаги и протянул Ганимару.

– Ах так! – воскликнул тот. – Но я думал, что за вами следят и постоянно обыскивают, а вы читаете газеты, храните расписки.

– О, эти господа так глупы! Они распарывают подкладку моей куртки, они исследуют подошвы моих сапог, они выстукивают стены этой комнаты, но никому из них не приходит в голову, что Арсен Люпен может быть так глуп, что спрячет свои вещи так просто. На это именно я и рассчитывал.

– Вы меня приводите в смущение. Но расскажите же мне, как произошло все в замке?

Люпен прошелся раза два-три по камере, остановился и положил руку на плечо Ганимару:

– Что вы думаете о моем письме к барону?

– Я думаю, что вы хотели посмеяться и поставить в тупик всех.

– Поставить в тупик? Ну, уверяю, Ганимар, что я считал вас сильнее. Неужели бы я написал это письмо, если б мог обокрасть барона без предупреждения? Но поймите наконец, что это письмо было необходимой точкой отправления, пружиной, давшей ход всей машине. Но будем разбирать дело по порядку: займемся вместе планом ограбления Малаки.

– Я вас слушаю.

– Я представляю себе недоступный, накрепко закрытый замок. Идти ли мне на приступ? Это было бы ребячеством. Проникнуть туда потихоньку? Невозможно. Единственный способ – это заставить самого владельца пригласить меня. И вот этот владелец в один прекрасный день получает письмо, предупреждающее его о том, что замышляет против него известный грабитель Арсен Люпен. Что он сделает?

– Он пошлет письмо к прокурору...

– Который над ним посмеется, так как «тот, кто называется Арсеном Люпеном, находится в настоящее время под замком». И потому не естественна ли растерянность барона, который готов просить помощи у первого попавшегося?

– Понятно!

– А если ему случится прочитать в каком-нибудь листке, что известный сыщик отдыхает в соседней местности?...

– Он обратится к этому сыщику.

– Совершенно верно. Но, с другой стороны, положим, что, предвидя этот неизбежный поступок, Люпен просил одного из своих друзей поселиться в соседнем городке, войти в сношение с репортером местного листка, который получает барон, и распространить слух, что он – известный сыщик, то что же случится? То, что редакция объявит в листке о пребывании упомянутого сыщика в городке. И вот может быть только одно: или карась – я хочу сказать, Кагорн – не пойдет на удочку и ничего не случится, или же – и это предположение наиболее вероятно – он поймается. И вот барон умоляет одного из моих друзей помочь ему против меня! Конечно, вначале мнимый сыщик отказывается. После этого – телеграмма Арсена Люпена. Следствие ее – ужас барона, который снова умоляет моего друга и предлагает ему хороший куш, чтобы тот только позаботился о его спасении. Мой друг принимает предложение, приводит с собою двух молодцов из нашей шайки, и ночью, пока Кагорн находится под стражей у своего благодетеля, те выносят несколько вещей и опускают их через окно в маленькую лодочку, ожидающую у скалы. Чего же прощ?

– Великолепно! – согласился Ганимар. – Но я не знаю ни одного сыщика настолько известного, чтобы имя его ввело в такое заблуждение барона.

– Один есть такой.

– Кто же?

– Ганимар.

– Позвольте!..

– Вы сами Ганимар! И вот что самое лучшее: если вы поедете туда и если барон решится говорить, то вы кончите тем, что должны будете арестовать самого себя.

Арсен Люпен хохотал от всего сердца, Ганимар от досады кусал себе губы. Ему казалось, что шутка не заслуживала такого веселья.

VII. Арсен Люпен самый осведомленный человек в мире

Появление сторожа дало возможность Люпену прийти в себя. Ему принесли завтрак, который Люпен по особому снисхождению получал из соседнего ресторана. Поставив поднос на стол, сторож удалился. Люпен сел, разложил салфетку, хлеб и сказал:

– Но будьте спокойны! Вам не придется туда ехать. Я открою вам одну вещь, которая вас поразит. Дело Кагорна на пути к прекращению.

– Это почему же?

– Дело уже кончается, – говорю я.

– Перестаньте: я только что был у начальника полиции.

– Что же из этого? Неужели он знает лучше меня то, что меня касается? Вы знаете, что Ганимар, – простите, злоупотребление вашим именем, – расстался в очень хороших отношениях с бароном. Тот – и это главная причина его молчания – дал ему очень деликатное поручение войти со мной в сделку, и в настоящее время возможно, что барон вступил уже во владение своими редкостями, пожертвовав для этого некоторой суммой.

Ганимар с изумлением посмотрел на заключенного.

– А как же вы это знаете?

– Я только что получил телеграмму, которую я ждал.

– Вы только что получили телеграмму?

– Только что. Но из вежливости я не хотел читать ее в вашем присутствии. Если вы разрешите...

– Вы смеетесь надо мной, Люпен?

– Будьте добры, разбейте осторожно это яйцо. Вы сами убедитесь в том, что я не смеюсь.

Ганимар машинально повиновался и разбил яйцо. У него вырвался возглас удивления. В пустой скорлупе оказался лист голубой бумаги. Он развернул его. Это была телеграмма, или, скорее, часть телеграммы, от которой были оторваны почтовые пометки.

Он прочел:

«Сделка заключена. 100 000 пуль получено. Все идет хорошо».

– Сто тысяч пуль? – спросил он.

– Да, сто тысяч франков. Это немного, но времена теперь тяжелые... А у меня постоянно такие крупные расходы! Если бы вы только знали мой бюджет... Прямо бюджет большого города!

VIII. Часы сыщика и часы судьи

Ганимар встал. Он немного подумал, представил себе все дело, чтобы найти слабое место, и произнес потом тоном, в котором открыто выразалось восхищение знатока:

– К счастью, немного таких, как вы, а то пришлось бы совсем закрыть лавочку.

Со скромным видом Люпен ответил:

– Надо же чем-нибудь развлечься и занять свое время. Тем более что это могло удаться только во время моего кратковременного пребывания в тюрьме. Надо вам сказать, что я останусь в тюрьме столько времени, сколько мне понравится, и ни одной минуты более.

– Вот как! Может быть, было бы осторожнее совсем сюда не попадать, – заметил с иронией Ганимар.

– А! Вспоминаете то, что вы способствовали моему аресту? Знайте же, мой уважаемый друг, что никто – и вы не больше, чем кто-либо другой, – не мог бы задержать меня, если бы меня в этот критический момент не заняло другое, гораздо более важное дело.

– Вы меня удивляете.

– На меня смотрела женщина, Ганимар, я тогда не владел собой... И вот почему я здесь! К тому же у меня немного расстроены нервы. Жизнь так лихорадочна в наше время! Иногда надо уметь выдержать, как говорят, «курс одиночества». Это наиболее удобное место для подобного рода режима. Оттого эта славная тюрьма и называется «Санте».

– Головой ручаюсь, что ваши фантазии о побеге не осуществляются!

– Да? У нас сегодня пятница... В следующую среду в четыре часа я выкурю мою сигару у вас на улице Перголез.

– Я буду вас ждать, Арсен Люпен.

Как друзья, которые ценят друг друга по достоинству, они пожали руки, и старый сыщик направился к двери.

– Ганимар!

– Ну?

– Вы забыли свои часы.

– Мои часы?

– Да, они заблудились в моем кармане.

И он их отдал, извиняясь:

– Простите! То, что они взяли мои, не может служить достаточным основанием для того, чтобы я брал ваши... Тем более что у меня есть хронометр, на который я не могу пожаловаться. Он меня вполне удовлетворяет.

Он достал из ящика массивные золотые часы с тяжелой цепочкой.

– А эти – из какого кармана они попали к вам? – спросил Ганимар.

Арсен Люпен небрежно посмотрел на вензель.

– Ж. Б.: Жюль Бувье, мой судебный следователь, прекрасный человек...

IX. Обыск

Арсен Люпен, окончив свой завтрак, с довольным видом рассматривал превосходную сигару, вынутую им из кармана, как вдруг дверь его камеры отворилась.

Он едва успел бросить сигару в ящик стола и отскочить от него, как вошел сторож: настал час прогулки.

– Я ждал вас, дорогой друг, – весело вскричал Люпен, бывший, как всегда, в хорошем настроении.

Они вышли. Едва они исчезли за углом узкого прохода, как два человека вошли в камеру и принялись внимательно ее осматривать. Это были агенты сыскной полиции. Надо было, наконец, покончить с этим делом: не было никакого сомнения, что Арсен Люпен поддерживал сношения с внешним миром и со своими соучастниками.

Еще накануне в «Le Grand Journal» появилось следующее письмо в редакцию:

«Милостивый государь!

В статье, вышедшей на днях в вашей газете, писали обо мне в выражениях, ничем не оправдываемых. За несколько дней до начала моего процесса я явлюсь к вам и потребую у вас отчета в ваших словах.

Арсен Люпен».

Это был подлинный почерк Арсена Люпена, следовательно, он отправлял и получал письма; было достоверно известно, что он приготавливался бежать из тюрьмы, о чем заранее предупреждал с такою наглостью.

Положение становилось невыносимым.

С согласия судебного следователя начальник сыскной полиции Дюдуи отправился лично в Санте, чтобы изложить директору тюрьмы меры, которые следовало бы принять. По прибытии в Санте он послал двух своих служащих в камеру арестанта.

Они подняли доски пола, разобрали кровать, осмотрели все, что в таких случаях осматривается, но ничего не нашли. Они уже собирались уходить, когда в камеру вбежал запыхавшийся сторож.

– Ящик стола!.. Осмотрите ящик стола! – сказал он. – Когда я вошел к арестанту, мне показалось, что он в этот момент закрывал его.

Они заглянули в ящик.

– Ей-богу, на этот раз мы поймали молодца! – воскликнул один агент.

Другой остановил его:

– Подождите, мой милый, пусть сделают опись.

Две минуты спустя Дюдуи лично осмотрел ящик стола. Он нашел в нем пачку вырезанных газетных статей, относящихся к Арсену Люпену, кисет для табака, трубку, папиросную бумагу и две книги.

Он взглянул на заглавия. Это было английское издание «Поклонение героям» Карлейля и прекрасное старинное издание Эпиктета в немецком переводе, вышедшее в Лейдене в 1634 г. Перелистывая их, Дюдуи заметил, что все страницы были подчеркнуты и отмечены. Были ли это условные знаки или заметки, указывавшие на предпочтение, оказанное читателем известным страницам?

– Мы рассмотрим это подробно, – сказал Дюдуи.

Он осмотрел кисет и трубку. Потом схватил сигару.

– Черт возьми, наш приятель недурно устроился! – воскликнул он.

Машинальным жестом курильщика он взял сигару в руки и слегка помял, но тотчас же воскликнул – сигара надломилась между его пальцами. Он еще внимательнее осмотрел ее и

заметил что-то белое между табачными листьями. Осторожно, с помощью булавки, он вынул сверток из очень тонкой бумаги, величиною с зубочистку.

Это была записка. Развернув ее, он прочел следующие слова, написанные мелким женским почерком:

«Одна корзина заменила другую. Из десяти – восемь приготовлены. Нажимая внешней ногой, поднимите доску: с 12 до 16 ежедневно. Н.Р. подождет. Но где? Немедленный ответ. Будьте покойны, ваша подруга заботится о вас».

Дюдуи подумал немного и сказал:

– Довольно ясно... корзина – восемь отделений... От двенадцати до шестнадцати – значит с полдня до четырех часов...

– Но этот Н.Р., который будет ждать?

– Н.Р. в данном случае может означать автомобиль, Н.Р. – horse-power, ведь так на спортивном языке обозначают мотор? Н.Р. – это автомобиль в двадцать четыре лошадиные силы.

Он встал.

– Арестант уже завтракал? – спросил он.

– Да.

– Значит, он не прочел еще этого известия, что доказывается целостью сигары, он, вероятно, только что получил ее.

– Но каким образом?

– В кушанье, в хлебе – почем знать?

– Невозможно! Ему позволили брать обед из ресторана только для того, чтобы подставить ловушку, но мы ничего не открыли.

– Сегодня вечером мы поищем ответ Арсена Люпена. Теперь же надо задержать его вне его камеры, а это я отнесу судебному следователю. Мы тотчас же сделаем фотографический снимок с письма, и через час вы можете положить в ящик стола точно такую же сигару, с тем же содержимым. Надо только, чтобы арестант ничего не подозревал.

Х. Полиция подготавливает побег преступника

Дюдуи не без интереса вернулся в этот вечер в канцелярию Санте вместе со своим помощником. На печке в углу стояли три тарелки.

– Он обедал?

– Да, – ответил инспектор.

– Пожалуйста, разрежьте на мелкие кусочки остатки макарон и этот кусок хлеба... Ничего не нашли?

– Нет.

Дюдуи осмотрел тарелки, вилки, ложку, наконец, ножик, обыкновенный ножик с закругленным лезвием. Он повернул черенок сперва влево, потом вправо; черенок подался и отвинтился. Внутри ножа оказалась пустота и в ней – кусочек бумажки.

– Ага! – сказал Дюдуи. – Не очень-то остроумно для такого человека, как Арсен Люпен. Но не будем терять времени... Сходите в этот ресторан и поразведайте там, что можно.

«Полагаюсь на вас, – прочел он затем в записке, – Н. Р. будет следовать за вами издали. Я пойду навстречу. До скорого свидания, дорогая! Вы чудный друг!»

– Наконец-то, – воскликнул Дюдуи, потирая руки. – Дело, по-видимому, идет на лад. Еще один толчок с нашей стороны – и побег удастся... А тогда нам удастся захватить соучастников.

– А если Люпен ускользает от вас? – поинтересовался директор тюрьмы.

– У нас будет достаточно людей...

Во время допросов на следствии от самого Люпена можно было добиться немногого. В продолжение нескольких месяцев Жюль Бувье, судебный следователь, напрасно напрягал все силы, чтобы заставить его говорить.

Из вежливости Люпен отвечал иногда:

– Да, конечно, я с вами согласен: кража в Лионском кредите, кража на Вавилонской улице, дело о фальшивых кредитных билетах, о страховых полисах, кражи со взломом в замках Армений, Гурель, Малаки, и т. д. – все это дела вашего покорного слуги.

– В таком случае объясните, пожалуйста...

– Это излишне. Я ведь во всем сознаюсь, во всем! Я даже признаю себя в десять раз виновнее, чем вы подозреваете.

Утомившись этими скучными допросами, следователь, наконец, прекратил их. Узнав о двух перехваченных записках, он возобновил допросы. Регулярно в полдень Арсена Люпена привозили из Санте в бюро в тюремной карете вместе с другими арестованными. Около трех или четырех часов их отвозили обратно в тюрьму.

XI. Люпен не попал в ловушку

В один прекрасный день возвращение кареты произошло при совершенно особенных обстоятельствах. Так как еще не все арестанты были допрошены, решено было отвезти сперва Люпена, и он сел в карету один. Эти кареты, называемые за просто «корзинами», делятся по середине продольным проходом и имеют десять отделений: пять справа и пять слева. Арестанты сидят очень тесно, но все-таки отделены друг от друга параллельными перегородками. Сопровождающий сторож наблюдает за проходом.

Люпен уселся в третье отделение с правой стороны, и тяжелая карета тронулась. Люпен заметил, что проехали набережную и миновали здание суда. Около середины моста С.-Мишель он нажал правой ногой металлическую пластинку в дне кареты. Она тотчас же подалась, и часть дна беззвучно отодвинулась. Люпен заметил, что находится как раз между двумя колесами. Он осторожно выжидал. Карета шагом поднималась по бульвару. На перекрестке она остановилась: упала лошадь какого-то ломового. Движение приостановилось, и улицы быстро загрохотали экипажами и омнибусами. Люпен выглянул из кареты. Рядом стояла другая карета. Он приподнял часть каретного днища, оперся ногой на одну из спиц большого колеса и прыгнул на землю.

Какой-то кучер увидел его, прыснул со смеха и закричал, но голос его был заглушен шумом экипажей, которые опять тронулись вперед. Люпен был уже далеко.

Пробежав несколько шагов, он остановился и огляделся, как бы недоумевая, куда направиться. Потом решившись, засунул руки в карманы и с беззаботным видом прогуливающегося пошел по бульвару.

Стоял прекрасный солнечный осенний день. Кафе были переполнены. Люпен вошел в одно из них и уселся на террасе. Он приказал подать пачку папирос и кружку пива, которое он выпил маленькими глотками, потом он неторопливо закурил одну папиросу, за ней другую, наконец встал и велел слуге позвать управляющего. Когда тот явился, Люпен сказал ему достаточно громко, чтобы все его слышали:

– Сожалею, что забыл свой кошелек. Может быть, имя мое вам достаточно известно, чтобы вы могли поверить мне в долг на несколько дней: я Арсен Люпен.

Управляющий посмотрел на него, думая, что это шутка, но Люпен повторил:

– Я Люпен, арестант из Санте, откуда только что бежал. Смею думать, что мое имя внушает вам некоторое доверие?

И он удалился, провожаемый смехом присутствующих; управляющий и не подумал требовать с него денег.

Люпен шел спокойно вперед, останавливаясь у витрин и беззаботно куря папиросу. Дойдя до бульвара Порт-Рояль, он осмотрелся и прямо пошел по улице, ведущей к Санте.

Вскоре перед ним показались высокие мрачные стены тюрьмы. Люпен подошел к сторожу, стоявшему у ворот, и, приподняв шляпу, спросил:

– Здесь тюрьма Санте?

– Здесь.

– Я хотел бы вернуться в свою камеру. Случайно я покинул на дороге тюремную карету, но я не хотел бы злоупотребить...

– Убирайтесь прочь с вашими шутками! – сердито проворчал сторож.

– Извините, но мне необходимо войти в эту дверь, и если вы помешаете Арсену Люпену переступить ее порог, вы ответите за это, друг мой.

Сторож с изумлением оглядел его с ног до головы, потом молча, как бы нехотя, позвонил. Железная дверь отворилась.

ХII. Намерения Люпена

Через несколько минут директор тюрьмы прибежал в канцелярию, жестикулируя и притворяясь взбешенным.

Люпен усмехнулся:

– Ну, ну, не разыгрывайте со мной комедий. Скажите пожалуйста! Из предосторожности меня перевозят одного в карете, готовят удобное для меня загромождение улицы и воображают, что я сейчас же дам тягу и присоединюсь к моим друзьям?! Точно я могу забыть о тех двадцати агентах сыскной полиции, которые провожали меня и пешком, и в карете, и на велосипедах? Недурно бы они меня отделали! Скажите-ка, может быть, вы на это и рассчитывали? – И, пожав плечами, он прибавил: – Пожалуйста, оставьте меня в покое! Когда я захочу бежать, я сумею устроиться без посторонней помощи.

На третий день «Echo de France», положительно превратившееся в официальную хронику подвигов Арсена Люпена, поместило на своих столбцах описание попытки побега Люпена из тюрьмы, приведя даже содержание записок, которыми арестант обменивался со своей таинственной подругой, упомянув о средствах, служивших этой переписке, о соучастии полиции, о прогулке по бульвару и об инциденте в кафе. Все было сообщено читающей публике. Никто не сомневался больше в будущем побеге Люпена. Впрочем, он и сам категорически подтвердил это в разговоре с Бувье на следующий день после происшествия.

Окинув холодным взглядом следователя, подсмеивающийся над его неудачей, Люпен сказал:

– Запомните мои слова и верьте мне: эта попытка бежать составляет лишь часть общего плана моего побега.

– Странно! Я этого не понимаю.

– Да вам и не нужно понимать меня.

И когда следователь опять приступил к допросу, Арсен Люпен воскликнул с усталым видом:

– Господи, господи! К чему все это? Все эти допросы не имеют никакого значения!

– Как так?

– Разумеется! Неужели вы воображаете, что я буду присутствовать на своем процессе?

– Вы не будете?

– Конечно, нет! Это мое бесповоротное решение. Ничто меня не заставит изменить его.

Такая самоуверенность в связи с необъяснимою откровенностью, являвшейся ежедневно, раздражала и сбивала с толку представителей правосудия. Очевидно, все дело было облечено глубокой тайной, раскрыть которую мог один лишь Арсен Люпен, но это было не в его интересах.

Люпена перевели в другую камеру, в нижний этаж, следователь между тем закончил следствие и направил дело к прокурору. Наступил перерыв, продолжавшийся два месяца. Люпен провел это время лежа на кровати, с лицом, обращенным к стене. Перемена камеры, казалось, произвела на него угнетающее впечатление. Он отказался принимать своего адвоката и едва обменивался несколькими словами со своими сторожами.

Между тем всеобщее любопытство не ослабевало. Многие даже желали, чтобы планы Люпена скорее осуществились, – до такой степени нравилась толпе эта смелая личность, вдохновенная, веселая, разнообразная в своих выдумках, облеченная таинственностью. Арсен Люпен должен был бежать. Это было неизбежно, фатально! Все даже удивлялись, что дело так затянулось. Каждое утро префект полиции спрашивал у своего секретаря:

– Ну, что же, он еще не убежал?

– Нет!

– Значит, это будет завтра.

Накануне дня, назначенного для разбора дела в суде, в контору «Le Grand Journal» явился неизвестный господин, спросил заведующего судебным отделом и, бросив ему свою визитную карточку, быстро скрылся.

На карточке стояли следующие слова: «Арсен Люпен всегда держит свое обещание».

ХІІІ. Суд

Процесс начался.

Было огромное стечение публики. Всем хотелось увидеть знаменитого Арсена Люпена, все заранее предвкушали удовольствие присутствовать при тем, как он проведет суд. Из-за дождя и пасмурной погоды публика не могла хорошо рассмотреть Арсена Люпена, когда стража ввела его. Но его тяжелая походка, манера, с которой он опустил на свое место, его равнодушная неподвижность – не располагали в его пользу. Несколько раз адвокат обращался к нему с вопросами. Он качал головой и молчал. Секретарь прочел обвинительный акт, потом председатель произнес:

– Обвиняемый, встаньте. Ваше имя, фамилия, возраст и занятие?

Не получая ответа, он повторил:

– Ваше имя? Я спрашиваю – ваше имя?

Низкий, усталый голос произнес:

– Бодрю Дезире.

В публике послышался ропот. Председатель продолжал:

– Бодрю? Дезире? А! Новая метаморфоза. Это, кажется, уже восьмое имя, которым вы называетесь и которое, конечно, так же вымышлено, как и все остальные. Мы будем придерживаться, с вашего позволения, имени Арсена Люпена, под которым вы более известны.

Справившись со своими заметками, председатель продолжал:

– Три года назад вы внезапно выплыли неизвестно из какой среды, как Арсен Люпен. Все данные, которые мы имеем о вас до этого появления, скорее гадательны. Весьма возможно, что некий Роста, работавший восемь лет назад с фокусником Диксоном, был не кто иной, как Арсен Люпен. Возможно также, что русский студент, посещавший шесть лет назад лабораторию в госпитале Святого Людовика и нередко удивлявший своего учителя смелостью своих опытов по кожным болезням, был тот же самый Арсен Люпен. Он же, по-видимому, фигурировал в Париже и в качестве профессора японской борьбы. Наконец, тот, который спас столько людей через слуховое окно на благотворительном базаре... и обокрал их после, – это был, по-видимому, опять-таки Арсен Люпен.

После короткой паузы председатель заключил:

– Вот в каком виде представляется нам предыдущий период, являвшийся лишь подготовкой к борьбе, предпринятой вами против общества. Признаете ли вы эти факты?

Во время этой речи обвиняемый стоял сгорбившись и переминаясь с ноги на ногу. Стало светлее и можно было различить его необычайную худобу, впалые щеки, странно выдающиеся скулы, лицо землистого цвета, испещренное красными пятнами и обрамленное неровной и редкой бородой. Пребывание в тюрьме значительно состарило и истомило его.

Казалось, что он не слышал обращенного к нему вопроса. После двукратного повторения он поднял глаза, обдумывая, по-видимому, свой ответ и сделав над собою страшное усилие, пробормотал:

– Бодрю... Дезире.

Председатель пожал плечами.

– Я не понимаю вашей системы защиты, Арсен Люпен, – сказал он. – Если вы хотите разыгрывать роль глупца, не ответственного за свои поступки, воля ваша. Я же приступаю к делу, не обращая внимания на ваши фантазии.

Затем он перешел к подробностям краж, мошенничеств и подлогов Арсена Люпена. Время от времени он обращался с вопросом к обвиняемому, который или бормотал что-то, или совсем не отвечал.

Начался допрос свидетелей. После нескольких ничтожных показаний был вызван Ганимар. Общий интерес пробудился. Сначала старый сыщик несколько разочаровал аудиторию. Не то, что он был смущен, – потому что не в первый раз пришлось ему присутствовать на суде, – но беспокоен, не в своей тарелке. Он посматривал на обвиняемого с явным недоумением. Однако он рассказал обо всех событиях, в которых сам принимал участие: преследование им Арсена Люпена по Европе и прибытие в Америку. Его слушали жадно, как слушали бы рассказ о самых романических любовных приключениях. В конце рассказа, передавая свои разговоры с Арсеном Люпеном, он два раза неожиданно останавливался и выказал странную рассеянность и нерешительность.

Было ясно, что его преследовала какая-то посторонняя мысль.

– Если вам нездоровится, не лучше ли прервать показания? – сказал председатель.

– О нет, нет, но дело в том...

Он замолчал, пристальным, долгим взглядом всматриваясь в обвиняемого.

– Я прошу дозволения взглянуть на Люпена вблизи, – сказал он. – Здесь кроется какая-то загадка, которую надо выяснить.

Он подошел к подсудимому, еще раз внимательно оглядел его, потом вернулся на свое место и произнес торжественным голосом:

– Господин председатель! Я утверждаю, что находящийся здесь человек – не Арсен Люпен.

Водворилось глубокое молчание.

– Что вы говорите? – воскликнул, наконец, растерявшийся председатель.

– На первый взгляд, пожалуй, можно ошибиться. Признаюсь, сходство действительно существует, но достаточно обратить внимание на нос, рот, волосы, цвет кожи... Конечно, это не Арсен Люпен. В особенности эти глаза... Разве у Люпена были когда-либо глаза алкоголика?

– Позвольте! Позвольте! В чем же дело? Что вы подозреваете, свидетель?

– Я и сам не знаю. Я думаю, что вместо себя Люпен подsunул кого-то. Впрочем, это, может быть, его сообщник.

Председатель велел вызвать судебного следователя, директора Санте и сторожей; затем объявил перерыв.

По возобновлении заседания Бувье и директор на очной ставке с обвиняемым объявили, что между Арсеном Люпеном и этим человеком не было почти никакого сходства.

– Но в таком случае, кто же этот человек? И как он попал в руки правосудия?

Ввели двух сторожей Санте, и – странное противоречие! – они признали арестанта, за которым смотрели по очереди. Председатель вздохнул свободнее.

– Да, да, – подтвердил один из сторожей, – это, конечно, он.

– Вы не сомневаетесь?

– Нет, хотя я мало видел его. Сдали мне его вечером, а с тех пор целых два месяца он все лежал на кровати, лицом к стене.

– А раньше этих двух месяцев?

– Раньше? Раньше он не сидел в камере номер двадцать четыре.

– В таком случае мы имеем дело с подлогом, совершившимся два месяца назад.

В полном недоумении председатель обратился к обвиняемому и сказал ободряющим, ласковым тоном:

– Послушайте, обвиняемый, не можете ли вы объяснить, как и когда вы попали в руки правосудия?

После искусного и спокойного допроса удалось вырвать у него несколько фраз, из которых выяснилось следующее. Два месяца назад после уличной схватки его привели в полицейское бюро, где он провел ночь. Утром его выпустили. У него была лишь мелкая медная монета в кармане. Когда он проходил через двор, два сторожа схватили его за руки и посадили в

арестантскую карету. С тех пор он жил в камере № 24... Кормили там хорошо... спать было недурно... и он не протестовал...

Все это казалось правдоподобным. Председатель для пополнения следствия отложил дело до следующей сессии. Списки заключенных под стражу подтвердили приведенные факты: действительно, за восемь недель перед тем некий Дезире Бодрю ночевал в полиции. Освобожденный на следующий день, он оставил участок в два часа пополудни. В этот самый день, в два часа, допрошенный в последний раз Арсен Люпен вышел из следственной камеры. Итак, сторожа ошиблись? Или, введенные в заблуждение сходством, не смешали ли они этого человека с прежним арестантом?

Была ли эта перемена придумана заранее? Но тогда каким чудом мог удалться план, основанный лишь на целом ряде маловероятных удач, случайных встреч и чудовищных ошибок?

Дезире Бодрю отправили в антропометрическое бюро: там не нашлось мерки, соответствующей его приметам. Но скоро напали на его следы. Он жил милостыней, ночуя в домишках тряпичников, разбросанных у заставы. Год назад он исчез.

Сманил ли его Арсен Люпен? Это ничем не подтверждалось. Впрочем, и в этом случае история бегства арестанта осталась бы такой же загадкой. Из двадцати гипотез, которыми можно было объяснить таинственное приключение, ни одна не выдерживала критики. Только самый факт побега оставался вне сомнения. Развязка вполне оправдывала горделивые слова Арсена Люпена:

– Я не буду присутствовать на моем процессе.

XIV. Преследование по пятам

Через месяц самых старательных розысков загадка все еще оставалась загадкой. Однако нельзя же было бесконечно держать несчастного Бодрю в заключении. Было бы странно судить его: против него не было никаких улик, и он был освобожден, – только был отдан приказ оставить его под надзором полиции.

Эту мысль подал Ганимар. По его мнению, тут не было ни случайности, ни сообщничества: Бодрю был просто орудием в искусных руках Арсена Люпена. Если Бодрю окажется на свободе, через него можно будет добраться и до Люпена или до кого-нибудь из его шайки.

Ганимару дали в помощники двух сыщиков, и в одно туманное январское утро двери тюрьмы открылись перед Дезире Бодрю. Сначала он казался в большом затруднении и шел как человек, у которого нет намеченной цели. Он шел по улице Сен-Жак. У лавки старьевщика он снял куртку и жилет; жилет он продал за несколько су и, надев снова куртку, отправился дальше.

Он перешел Сену. Скоро его обогнал омнибус Монмартр – Сен-Мишель. Он хотел сесть в него, но в карете не было свободных мест. Немного подумав, он вошел в станционный зал.

В это время Ганимар подозвал своих сыщиков и, не спуская глаз с входа на станцию, торопливо шепнул: «Возьмите карету... нет, две, это вернее! Я поеду с одним из вас, и мы выследим его».

Приказание было исполнено. Но Бодрю не появлялся. Ганимар вошел в зал, в нем никого не оказалось.

– Какой я идиот, – проворчал он, – я забыл о втором выходе.

Действительно, станция сообщалась внутренним коридором с соседней улицей. Ганимар бросился туда и как раз успел заметить Бодрю на империале батиньольского омнибуса, огибавшего угол улицы. Ганимар догнал омнибус, но он потерял своих помощников и должен был продолжать свою погоню один.

Он пришел в бешенство и готов был без всякой церемонии схватить Бодрю за ворот. Не преднамеренно ли этот якобы идиот искусно разлучил его с помощниками? Он посмотрел на Бодрю, дремавшего на скамейке: голова его качалась взад и вперед. Его лицо с полукрытым ртом выражало невероятную глупость. Нет, это не был соперник, способный провести Ганимара; ему помог простой случай, вот и все.

На перекрестке Бодрю переменил омнибус на трамвай, шедший по бульвару Гаусмана, а потом он сошел с трамвая и беззаботно вошел в Булонский лес. Он шел из аллеи в аллею, возвращался, опять уходил... Чего он искал? Была ли у него цель?

После целого часа таких маневров он казался изнемогавшим от усталости. Увидав скамейку, он сел на берегу маленького озера, скрытого между деревьями, недалеко от скакового поля. Местность была совершенно безлюдна.

Прошло полчаса. Выведенный из терпения, Ганимар решился вступить с Бодрю в разговор. Он подошел к нему, сел рядом с ним, закурил папироску и принялся концом палки рисовать круги по песку.

– Сегодня не жарко, – сказал он.

Молчание. Вдруг среди тишины раздался смех, счастливый, радостный смех, смех ребенка, который не может удержаться от него. Ганимар почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Он так хорошо знал этот смех!..

Резким движением схватил он человека за его куртку и впился в него пронизательным взглядом, еще более пронизательным, чем тогда на суде. Да! Это уже не был тот человек, это был другой, настоящий!..

Толкаемый своими подозрениями, Ганимар уже видел отражение яркой жизни в этих глазах, видел крепкие мускулы под поблекшей кожей, а под уродливым разрезом рта ему чудился твердо очерченный рот того, другого.

– Арсен Люпен! Арсен Люпен! – едва внятно произнес он.

И вдруг в порыве злобы он схватил Люпена за горло, стараясь повалить его. Несмотря на свои пятьдесят лет, Ганимар был еще необыкновенно силен, тогда как его противник, казалось, не обладал серьезными средствами защиты.

Вот было бы превосходно, если бы ему, Ганимару, удалось вернуть мошенника в тюрьму!

XV. Разрешение необъяснимой загадки

Борьба продолжалась недолго. Люпен почти не защищался, но Ганимару пришлось выпустить его так же быстро, как он напал на него: правая рука сыщика тяжело и безжизненно повисла.

– Если бы вы изучали японский бокс, джиу-джитсу, – сказал Люпен, – вы знали бы, что этот удар называется по-японски «удитишежи». Еще одна секунда, и я сломал бы вам руку, – прибавил он холодно. – Впрочем, вы получили бы только то, что заслужили. Как! Вы, мой старый друг, которого я уважаю, которому я добровольно открываю мое инкогнито, вы злоупотребляете моим доверием! Это нечестно, Ганимар!

Ганимар молчал. Этот побег, за который он считал себя ответственным, потому что он сам своим показанием ввел правосудие в заблуждение, казался ему позорным пятном, навсегда испортившим его карьеру.

– Боже мой, Ганимар, не огорчайтесь же! Если бы вы не заговорили на суде, я заставил бы говорить кого-нибудь другого. Подумайте, мог ли я допустить, чтобы Бодрю Дезире был осужден?

– Значит, на суде были вы сами? И вы сами стоите здесь, передо мной?

– Я, все я и только я!

– Возможно ли?!

– О, для этого не надо быть волшебником. Достаточно нескольких лет, как говорил наш милейший председатель, чтобы хорошенько приготовиться ко всем случайностям.

– Но это лицо? Глаза?

– Поймите же, что если я целых полтора года работал в госпитале, то никак не из любви к искусству. Я полагал, что тот, кто со временем будет называться Арсеном Люпенем, должен уметь побеждать банальные условия наружности и тождественности. Что такое наружность? Ее легко изменить по-своему. Известное подкожное впрыскивание парафина вздувает кожу в любом месте. Дубильная кислота превращает вас в индейца. Сок чистотела украшает вас разнообразнейшими лишаями и опухолями. Известные химические соединения влияют на рост бороды и волос, другие – на звук вашего голоса. Прибавьте к этому два месяца диеты в камере номер двадцать четыре, на тысячу ладов повторенные упражнения, чтобы открывать рот с сообразной гримасой, склонять голову на сторону и ходить сгорбленным... Наконец пять капель атропина в глаза, чтобы придать им блуждающее, растерянное выражение, – и дело в шляпе!..

– Я не понимаю, каким образом сторожа...

– Превращение совершалось постепенно, и они не могли подметить ежедневного развития.

– Но как же Бодрю Дезире?

– Бодрю существует. Это ни в чем не повинный бедняк, с которым я встретился в прошлом году и который, действительно, имеет со мною некоторое сходство в чертах лица. На случай всегда возможного ареста я поместил его в надежное место и принялся первым делом изучать черты, отличавшие нас друг от друга, чтобы смягчить их насколько возможно в себе самом. Мои друзья устроили так, что Бодрю провел одну ночь в участке и вышел из него приблизительно в тот же час, как и я; это совпадение легко могло быть засвидетельствовано. Подсовывая полиции этого Бодрю, я создавал такие обстоятельства, при которых правосудие неизбежно, – слышите? – не-из-беж-но должно было наброситься на него и, несмотря на неодолимые трудности подмены одного арестанта другим, правосудие скорее всего поверит в такую подмену, чем признает свою несостоятельность.

– Да, действительно, это так, – пробормотал Ганимар.

– И, наконец, – воскликнул Люпен, – у меня в руках был огромный козырь: всеобщее ожидание моего побега. Поймите же, чтобы бежать... не убегая, – надо было, чтобы все заранее твердо верили в это бегство, чтобы это казалось всем абсолютно верным, истиной, ясной, как солнечный свет. Я этого хотел – и добился. Арсен Люпен не будет присутствовать на своем процессе! И когда вы встали, сказав: «Этот человек не Арсен Люпен», было бы неестественно, если бы все не поверили в ту же минуту, что я действительно не Арсен Люпен. Если бы хоть кто-нибудь усомнился, хоть бы один человек решился сказать: «Ну а если это все-таки Арсен Люпен?» – я пропал бы.

Внезапно схватив Ганимара за руку, он продолжал:

– Ну-ка, Ганимар, признайтесь, вы ведь ждали меня у себя дома в четыре часа, через неделю после нашего свидания в тюрьме Санте? Вы ждали меня, как я вас просил?

– А тюремная карета? – спросил Ганимар, избегая прямого ответа.

– Глупости! Это мои друзья подменили старую негодную карету и хотели заставить меня рискнуть. Я знал, что дело может удалиться только при исключительных обстоятельствах. Но я нашел полезным развить эту попытку бегства и огласить ее повсюду. Первый смело рассчитанный опыт придавал второму, вымышленному, значение побега, будто бы уже приведенного в исполнение.

– Так что сигара?...

– Была выдолблена мной, как и ножик.

– А записки?

– Написаны мною самим.

– А таинственная корреспондентка?

– Она и я – одно лицо. Я пишу всевозможными почерками.

– Как же допустить, чтобы служащие в антропометрическом бюро, взяв приметы Бодрю, не заметили, что они расходятся с вашими?

– Перед моим возвращением из Америки один из служащих бюро за хорошую плату занес на мою карточку неверную пометку, вследствие чего приметы Бодрю не могли уже совпасть с приметами Арсена Люпена.

Опять наступило молчание.

– А теперь что вы будете делать? – спросил, наконец, Ганимар.

– Отдыхать! – воскликнул Люпен. – Я буду усиленно питаться и понемногу снова сделаюсь самим собой.

Уже начинало смеркаться.

– Кажется, нам больше нечего сообщить друг другу? – сказал Люпен, остановившись перед Ганимаром.

– Напротив, – ответил Ганимар. – Я хотел бы знать, откроете ли вы истину относительно вашего бегства? Моя ошибка...

– О, никто никогда не узнает, что из тюрьмы выпустили Арсена Люпена. Для меня крайне важно, чтобы мой побег оставался окутанным мраком неизвестности и носил характер чего-то чудодейственного. Итак, не бойтесь, мой добрый друг, и прощайте! Сегодня вечером я обедаю в гостях, мне едва хватит времени переодеться.

– А я думаю, что вы жаждете покоя!

– Увы, существуют светские обязанности, от которых нельзя уклониться. Отдых начнется завтра.

– А где вы обедаете сегодня?

– В английском посольстве.

Арсена Люпена обокрали

I. Таинственный путешественник

Накануне отъезда я послал свой автомобиль прямо в Руан, а сам должен был нагнать его по железной дороге и затем отправиться к друзьям, жившим на берегу Сены.

За несколько минут до отхода поезда из Парижа в мое отделение ввалились семеро мужчин, из которых пятеро курили. Как ни краток был переезд в скором поезде, но перспектива совершить его в такой компании была мне крайне неприятна, тем более что старинный вагон, в котором я сидел, не имел бокового коридора. Я взял свое пальто, газеты, путеводитель и перешел в одно из соседних отделений.

В нем сидела только одна дама. При моем появлении она не могла удержаться от жеста неудовольствия, не ускользнувшему от меня, и шепнула что-то господину, стоявшему на ступеньке вагона, – вероятно, мужу, провожавшему ее. Мужчина окинул меня внимательным взглядом и, по-видимому, довольный результатом своего осмотра, тихо сказал что-то жене, улыбаясь и как будто успокаивая ее, как трусливого ребенка. Дама также улыбнулась и бросила на меня дружелюбный взгляд, точно вдруг уверившись, что я принадлежу к числу порядочных людей, с которыми женщина может безбоязненно остаться с глазу на глаз в продолжение двух часов в маленьком помещении, величиной в шесть квадратных футов.

– Ты ведь не рассердишься на меня, дорогая, – сказал муж, – но я не могу дожидаться отхода поезда: у меня назначено важное свидание.

И, нежно поцеловав ее, он ушел.

Жена махнула ему платком из окна вагона и украдкой послала несколько поцелуев.

Раздался свисток, и поезд тронулся.

В этот момент дверь отворилась, и, несмотря на протесты кондуктора, в наше отделение вошел новый пассажир.

Моя спутница, укладывавшая свои вещи в сетку вагона, взволнованная, опустила на скамейку.

Я далеко не трус, но сознаюсь, что такие внезапные вторжения мне всегда неприятны. Они кажутся подозрительными. Однако наружность и манеры нового пассажира скоро сгладили дурное впечатление, произведенное на меня его вторжением. Он казался корректным, почти элегантным в своем модном галстуке, в свежих перчатках и с таким энергичным лицом...

Но, черт возьми, где я видел это лицо? Без сомнения, я где-то видел его. Выражаясь точнее, я находил в своей памяти впечатление, оставляемое в нас несколько раз виденным портретом, оригинала которого мы никогда не видали. В то же время я чувствовал, что напрягать свою память вполне бесполезно, так как это воспоминание было слишком смутно и неопределенно.

Взглянув на свою соседку по вагону, я был поражен ее бледным, взволнованным лицом. Она смотрела на своего соседа, сидевшего на той же стороне, с выражением настоящего ужаса; я заметил, что она протянула дрожащую руку к маленькому саквою, лежавшему на скамейке подле нее. Схватив саквою, она нервно прижала его к своей груди.

Наши глаза встретились, и я прочел в ее взгляде столько беспокойства и страха, что не удержался от вопроса:

– Вы нездоровы? Не открыть ли окно?

Не отвечая на мой вопрос, она указала боязливым жестом на нашего спутника. Я улыбнулся, как раньше улыбался ей муж, пожал плечами и знаками старался дать ей понять, что ей нечего бояться, что я с нею и что к тому же этот господин, по-видимому, вовсе не опасен. В

этот момент он обернулся к нам, осмотрел нас обоих с ног до головы, потом еще глубже уселся в угол дивана и больше уже не шевелился.

Водворилось молчание; потом дама, решившись, очевидно, на крайнее средство, сказала мне едва внятным голосом:

– Вы знаете, что это он с нами в одном отделении?

– Он? Кто он?

– Это он, он, уверяю вас!

– Да кто же он?

– Арсен Люпен!

Она не отрывала глаза от путешественника и произнесенные ею слова, казалось, обращены были скорее к нему, чем ко мне.

Он надвинул себе шляпу на лоб, может быть, чтобы скрыть смущение или просто чтобы заснуть.

– Вчера Арсена Люпена заочно приговорили к двадцати годам каторжной работы, – возразил я. – Значит, невероятно, чтобы он сегодня неосторожно появился в публике. Кроме того, газеты сообщали после его бегства из Сайте, что он проводит зиму в Турции.

– Нет, он в этом поезде, – громко повторила дама с явным намерением быть услышанной нашим спутником. – Мой муж вице-директор исправительного дома, и сам начальник станции нам сказал, что разыскивают Арсена Люпена.

– Однако это не причина...

– Его видели у кассы. Он взял билет первого класса в Руан.

– В таком случае его легко было арестовать.

– Он исчез. Полагают, что он пробрался по набережной и сел в экспресс, который отошел десятью минутами позже нашего поезда.

– В таком случае его там поймали бы.

– А если в последний момент он выпрыгнул из экспресса, чтобы попасть в наш поезд? ... Ведь это вполне вероятно... правдоподобно?

– Ну, так его поймают здесь, так как железнодорожные служащие и агенты не могли не заметить этого перехода из одного поезда в другой. По прибытии в Руан его схватят, будьте покойны.

– Никогда! Он опять найдет возможность ускользнуть.

– Желаю ему счастливого пути.

– Но подумайте, что только он может натворить до тех пор!

– Например?

– Бог знает! От него всего можно ожидать.

Моя спутница страшно волновалась, и в самом деле положение до некоторой степени оправдывало ее чрезмерно нервное возбуждение.

– Действительно, бывают странные совпадения... – невольно сказал я. – Но успокойтесь. Предположим даже, что Арсен Люпен находится в нашем поезде: надо думать, что он будет сидеть смирно, чтобы не навлечь на себя новой беды, и постарается поскорее избежать угрожающей ему опасности.

Мои слова не успокоили ее. Однако она замолчала, не желая, вероятно, показаться навязчивой.

Я развернул газету и принялся читать отчеты о процессе Арсена Люпена. Так как в них не нашлось ничего нового, они мало заинтересовали меня. Кроме того, я был утомлен, плохо спал, глаза мои смыкались, голова клонилась к подушке.

– Неужели вы будете спать? – И, вырвав из моих рук газету, дама посмотрела на меня с негодованием.

– Конечно, нет, – ответил я, – мне совсем не хочется спать.

– Это было бы крайне неблагоприятно.

– Неблагоприятно! – повторил я.

Из всех сил я боролся со сном, глядел на мчавшиеся мимо нас пейзажи, на облака, скользившие по небу, но скоро все смешалось в моей голове: лицо взволнованной дамы и дремавшего господина исчезли из моей памяти, и я заснул крепким, глубоким сном.

II. Беспрецедентное нападение. Кто это?

Мне снилось что-то бессвязное, неясное: кто-то, называвшийся Арсеном Люпеном, играл в этих снах главную роль; он скользил где-то вдали, нагруженный драгоценными вещами; он перелезал каменные стены и грабил замки.

Мало-помалу фигура этого человека, оказавшегося уже не Арсеном Люпеном, стала определеннее, приблизилась ко мне, все вырастая, с невероятной ловкостью прыгнула в вагон и всей тяжестью упала мне на грудь.

Резкая боль... раздирающий душу крик... и я проснулся. Мой спутник душил меня, упираясь коленом в мою грудь. Я увидел это, как в тумане, так как глаза мои налились кровью; я увидел даму, бившуюся в нервном припадке в углу вагона. Я пытался сопротивляться, но у меня не хватило сил: в моей голове стоял страшный шум, я задыхался... хрипел. Еще минута, и я задохся бы!

Почувствовав это, злодей выпустил меня из рук, но, не отходя от меня, он схватил правой рукой веревку с приготовленной на ней петлей и ловким жестом накинул ее на мои руки. В одну секунду я очутился связанным, с заткнутым ртом, обреченный на полную неподвижность.

Все это было сделано необыкновенно просто, с ловкостью, обнаруживавшей знатока, профессионального вора и преступника. И ни одного слова! Хладнокровно и отважно, ни одного лихорадочного жеста!

А я сидел на скамейке, связанный и неподвижный, как мумия, я, Арсен Люпен!!!

Было над чем посмеяться! Несмотря на опасность положения, я не мог не оценить его комической стороны. Арсен Люпен, попавшийся, как новичок, ограбленный, как первый встречный, так как мошенник, разумеется, отнял у меня кошелек с деньгами и бумажник! Арсен Люпен сделался, в свою очередь, жертвой мошенника, Арсен Люпен обманут, побежден!.. Какое приключение! Оставалась еще дама. Мошенник не обратил на нее никакого внимания. Он удовлетворился тем, что поднял сумочку, валявшуюся на ковре, вынул из нее все драгоценности, кошелек, золотые безделушки и все деньги. Дама открыла глаза, вздрогнула от ужаса, сняла кольца с руки и подала их мошеннику, избавляя его этим от излишних хлопот. Он взял кольца и посмотрел на нее: она лишилась чувств.

Молчаливо и спокойно, не обращая больше на нас внимания, мошенник вернулся на свое место, закурил папироску и углубился в созерцание приобретенных вещей, которые, казалось, совершенно удовлетворили его. Я же был гораздо менее удовлетворен своим положением. Я не говорю уже о двенадцати тысячах франков, которых меня несправедливо лишили... Нет, меня мучила мысль о том, что последует сейчас, сию минуту?

Что теперь произойдет?

Разумеется, тревога, произведенная моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнула от моего внимания. Приглашенный к друзьям, у которых я бывал под именем Гильома Берла и для которых мое сходство с Арсеном Люпеном служило лишь сюжетом добродушных шуток, я не успел как следует загримироваться, и мое присутствие на станции было замечено. Между тем заметили какого-то человека, — «несомненно, Арсена Люпена», — бросившегося из экспресса в скорый поезд. И, что фатально и неизбежно: оповещенный телеграммой полицейский комиссар в Руане вместе с солидным числом агентов встретит поезд, будет расспрашивать о подозрительных путешественниках и сделает обыск в вагонах.

Все это я предвидел и не особенно сокрушался, уверенный, что руанская полиция не окажется проницательнее парижской и что я всегда сумею пройти незамеченным; достаточно небрежно показать при выходе мою карточку депутата, благодаря которой я уже внушил полное доверие многим скептикам. Но теперь — до чего все переменялось к худшему! Я не пользовался больше свободой и не мог прибегнуть к своим обычным приемам. В одном из ваго-

нов комиссар найдет Арсена Люпена, которого счастливый случай предаст ему связанного по рукам и по ногам, покорного, как ягненок, и совсем готового для ареста. Останется только получить его, как почтовую посылку, посланную на ваше имя по железной дороге: корзину с дичью, с фруктами, овощами. Что мог предпринять я, связанный, чтобы избежать этой неприятной развязки?

А поезд мчался к Руану, единственной ближайшей остановке, быстро минув одну станцию за другой...

Меня интересовала и другая загадка, в которой я был менее заинтересован, но разрешение которой возбудило во мне любопытство профессионала: каковы были вообще намерения моего спутника?

Если бы я был один в вагоне, у него было бы достаточно времени спокойно сойти в Руане. Но дама?! Едва откроют дверь, эта женщина, теперь такая покорная и смиренная, примется кричать, бесноваться, звать на помощь. Меня удивило, что он не привел эту даму в такое же беспомощное состояние, в каком находился я: это позволило бы ему исчезнуть прежде, чем кто-либо заметит его преступление.

Мошенник все еще курил, устремив глаза в окно. Пошел косой дождь. Внезапно обернувшись, он схватил мой путеводитель и справился по нему.

Дама притворялась, что ей все еще дурно, чтобы успокоить своего врага, но кашель, вызванный табачным дымом, выдавал ее. Что до меня, то мне было крайне не по себе, я чувствовал себя страшно утомленным и я думал... соображал...

Вот промелькнули еще две станции... Поезд стремился вперед, радостно упоенный своей скоростью.

Сент-Этьенн... В этот момент мой спутник встал и приблизился на два шага к нам; дама ответила на это новым криком и настоящим обмороком.

Что думал он делать? Он опустил окно с нашей стороны; дождь лил как из ведра; невольным жестом выразил он досаду, так как не имел при себе ни дождевого зонтика, ни резиновой накидки. Он взглянул на сетку, где лежал зонтик дамы. Он взял его и мое пальто, которое и надел.

Мы переезжали Сену. Подвернув брюки, он высунулся из окна и открыл наружную задвижку дверцы. Неужели он выбросится на полотно? При такой быстроте хода это было бы верной смертью. Мы вступили в туннель, прорезывающий гору Святой Екатерины. Наш спутник открыл дверцу и осторожно ошупал ногой ступеньку вагона. Какое безумие! Мрак, дым, грохот, все это придавало фантастический оттенок смелой попытке. Вдруг поезд замедлил ход, тормоз заработал, сопротивляясь движению колес. Через минуту ход еще уменьшился. Без сомнения, в этой части туннеля предстояли работы по его укреплению, требовавшие замедления хода поездов, и наш спутник знал это. Ему оставалось только опустить и другую ногу на ступеньку вагона, сойти и спокойно удалиться, закрыв прежде за собой дверцу и задвинув задвижку.

Как только он исчез, дым побелел под дневным светом, и мы выехали в долину. Еще один туннель, и мы в Руане.

Дама тотчас же пришла в себя и немедленно принялась горевать о потере своих драгоценностей. Я бросил на нее умоляющий взгляд. Она поняла и освободила меня от засунутого в мой рот платка, от которого я задыхался; она хотела также развязать меня, но я остановил ее, сказав:

– Нет, нет, полиция должна констатировать факт, я желаю, чтобы она удостоверила подвиги этого негодяя.

– Не воспользоваться ли нам предохранительным тормозом?

– Слишком поздно, надо было подумать об этом, когда он набросился на меня.

– Но он убил бы меня! Ах, ведь я вам говорила, что он находится в этом поезде! Я сейчас его узнала по портрету. А теперь он исчез с моими драгоценностями.

– Не бойтесь, его найдут.

– Найти Арсена Люпена! Никогда!

– Это от вас зависит, сударыня. Послушайте. По прибытии в Руан, станьте возле двери вагона, начните шуметь и звать на помощь. Прибегут агенты и служащие. В нескольких словах расскажите им все, что видели: нападение, жертвой которого я сделался, и бегство Арсена Люпена. Расскажите им его приметы: мягкая шляпа, дождевой зонтик – ваш зонтик, серое пальто в талию...

– Ваше пальто, – перебила она.

– Как мое пальто? Да нет же, его пальто. У меня его не было.

– Мне казалось, что у него не было пальто, когда он вошел в купе.

– Конечно, было, если только это не было пальто, забытое кем-нибудь в сетке. Во всяком случае у него было оно при выходе из вагона, а это главное... Вспомните, серое пальто в талию. Ах, я забыл... первым делом скажите ваше имя... Пост, занимаемый вашим мужем, заставит всех этих людей постараться.

Мы подъезжали к Руану. Дама высунулась из дверей вагона. Я повторил ей еще раз громким, почти повелительным голосом все сказанное раньше, чтобы мои слова запечатлелись в ее памяти.

– Скажите им и мое имя: Гильом Берла. В случае надобности скажите, что вы меня знаете... Этим мы выиграем время, необходимое для предварительного следствия. Самое важное найти Арсена Люпена и ваши драгоценности... Итак, вы не ошибетесь? Гильом Берла – друг вашего мужа!

– Да, да!.. Гильом Берла.

III. Это был Арсен Люпен!.. Неразрешимая задача

Дама принялась кричать и жестикулировать. Поезд не успел еще остановиться, как в вагон вошел какой-то господин в сопровождении нескольких служащих.

Критический момент настал.

– Арсен Люпен напал на нас! – воскликнула дама задыхающимся голосом. – Он украл мои драгоценности... Моя фамилия – Рено... Мой муж вице-директор исправительного дома... А вот и мой брат, Жорж Андель, директор Руанского кредита...

Поцеловав молодого человека, который встретил ее и которому комиссар поклонился, дама продолжала со слезами:

– Да, Арсен Люпен напал на нас, воспользовавшись сном этого господина, он чуть не задушил его... Это – Берла, друг моего мужа.

– Но где Арсен Люпен? – спросил комиссар.

– Он выпрыгнул из поезда в туннель за Сеной.

– Уверены ли вы, что это был Арсен Люпен?

– Конечно, уверена! Я прекрасно его узнала. Впрочем, его заметили на станции Сен-Лазар. Он был в мягкой шляпе...

– Нет, вы ошибаетесь, на нем была фетровая жесткая шляпа, как вот эта, – поправил ее комиссар, указывая на шляпу Берла.

– Утверждаю, что шляпа была мягкая, – повторила мадам Рено, – а пальто серое, в талию.

– Действительно, – пробормотал комиссар, – в телеграмме указано на серое пальто в талию, с черным бархатным воротником.

– Вот именно, с черным бархатным воротником, – торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я вздохнул свободно. Ах, какого славного, милого друга нашел я в своей спутнице!

Между тем агенты освободили меня от веревки. Я так сильно закусил губы, что показала кровь. Сильно сгорбившись, приложив платок к губам, как подобает человеку, долго находившемуся в неудобном положении, я слабым голосом обратился к комиссару:

– Без сомнения, это был Арсен Люпен. Если поторопятся, его еще можно будет задержать... Я думаю, что до некоторой степени могу быть вам полезен в этом деле...

Вагон, который мог служить правосудию доказательством случившегося факта, отцепили, и поезд пошел в Гавр.

Нас провели в контору начальника станции среди толпы любопытных, собравшейся на набережной.

В этот момент мне пришла блестящая мысль: под каким-либо предлогом я могу удалиться, разыскать мой автомобиль и удрать на нем; ждать было опасно. Случись еще какой-нибудь инцидент или приди депеша из Парижа, – и я пропал.

Да, но мой вор? Один, в местности, мне мало знакомой, я не мог надеяться догнать его.

«Ничего, попытаюсь остаться, – решил я. – С этим делом трудно справиться, но зато как интересно рисковать! К тому же эта игра стоит свеч».

И так как нас попросили повторить предварительные показания, я воскликнул:

– Господин комиссар, в настоящее время Арсен Люпен опередил нас. Мой автомобиль ждет на дворе. Сделайте одолжение, воспользуйтесь им, мы постараемся...

Комиссар лукаво улыбнулся:

– Мысль недурна, даже так недурна, что ее уже в настоящее время исполнили.

– Как так?!

– Да двое из моих агентов отправились на велосипедах... уже несколько минут назад.

– Но куда?

– К выходу из туннеля; там они нападут на следы, по которым будут преследовать Арсена Люпена.

Я невольно пожал плечами:

– Ваши два агента не нападут ни на его след, ни на доказательства.

– Вы думаете?

– Арсен Люпен, наверное, устроился так, что никто не заметил, как он вышел из туннеля.

Он мог дойти до первой дороги, а оттуда...

– А оттуда в Руан, где мы его схватим.

– Он не пойдет в Руан.

– Значит, он останется в окрестностях, где мы еще вернее...

– Он и здесь не останется.

– Ого! Так где же он скроется?

Из кармана я вынул часы.

– В настоящую минуту Арсен Люпен бродит вокруг станции Дарнеталь. Без десяти одиннадцать, то есть через двадцать минут, он сядет в поезд, идущий из Руана в Амьен.

– Вы так предполагаете? Откуда вы все это знаете?

– О, очень просто! Сидя в купе, Арсен Люпен справлялся по моему путеводителю. С каким намерением?! Разве был на том месте, где он исчез, другой путь, другая станция или какой-нибудь поезд, останавливающийся на этой станции? Я сам только что справился в путеводителе и получил верные сведения.

– Надо отдать вам справедливость, вы все великолепно разъяснили, – сказал комиссар, – и как компетентно!

Увлеченный своими выводами, я сделал ошибку, высказав столько ловкости. Комиссар с удивлением смотрел на меня, и мне показалось, что у него возникли подозрения, – самые ничтожные, потому что фотографии, разосланные прокурорским надзором, были слишком мало похожи на оригинал: они представляли совсем иного Арсена Люпена, чем тот, который стоял теперь перед комиссаром; ему было невозможно узнать меня. Но все-таки он был смущен и беспокоен.

Водворилось минутное молчание. Какая-то двусмысленность, какое-то сомнение заставили нас молчать. Я невольно вздрогнул. Неужели счастье изменило мне? Я принудил себя засмеяться:

– Господи, да разве вам непонятно мое желание вернуть свой бумажник? И мне кажется, если вы захотите дать мне двух агентов, мы вместе могли бы...

– О, прошу вас, – взмолилась мадам Рено, – послушайте господина Берла!

Вмешательство моей милой спутницы решило дело в мою пользу. Произнесенное ей, женой влиятельной особы, имя Берла сделалось моим собственным и придало мне подлинность, которой никакое подозрение не могло коснуться.

Комиссар встал.

– Поверьте мне, я буду очень счастлив, если это дело вам удастся. Я столько же заинтересован в аресте Арсена Люпена, сколько и вы.

Он проводил меня до автомобиля. Двое из его агентов, которых он представил мне, – их фамилии были Деливе и Массоль, – сели со мной. Я поместился у руля, и мой шофер повернул рулятку. Через несколько секунд мы покинули станцию. Я был спасен.

IV. Погоня. Состязание автомобиля с паровозом

Ах, признаюсь, проезжая по бульварам, окружавшим старинный нормандский город, с той быстротой, на которую был способен мой автомобиль, я испытывал некоторую гордость. Деревья по обеим сторонам дороги быстро неслись нам навстречу. Я мог свободно устроить свои собственные дела с помощью двух почтенных представителей власти. Арсен Люпен отправлялся на поиски Арсена Люпена! Деливе и Массоль, скромные защитники общественного порядка, как дорога была мне ваша помощь! Что бы я предпринял без вас?! Не будь вас, мне пришлось бы сбиваться с дороги, может быть, на каждом перекрестке, а мошенник в это время удрал бы. Но дело далеко еще не кончилось! Надо было прежде всего догнать негодяя и затем овладеть бумагами, которые он украл у меня. Никким образом нельзя было допустить, чтобы мои провожатые сунули нос в эти документы, тем более завладели бы ими. Пользоваться их присутствием, но действовать без них, вот чего я добивался. На станцию мы прибыли через три минуты после прохода поезда. Меня несколько утешило известие, что какой-то субъект в сером пальто в талию, с черным бархатным воротником вошел в купе второго класса с билетом, взятым на Амьен. Мой дебют в качестве полицейского подавал большие надежды.

– Этот поезд – экспресс и через девятнадцать минут останавливается у Монтеролье-Бюми. Если мы не опередим Арсена Люпена, он может продолжать путь на Амьен или свернуть на Клер, а оттуда проехать в Дьепп или Париж.

– Как велико расстояние до Монтеролье?

– Двадцать три километра.

Двадцать три километра и девятнадцать минут... Мы будем на месте раньше Люпена.

Какая бешеная гонка! Никогда мой верный автомобиль не оправдывал моего доверия таким блестящим образом. Казалось, моя непреклонная воля передавалась ему помимо рычагов и рукояток. Автомобиль разделял мои желания и одобрял мое упорство, понимая мою злобу на этого мошенника, пройдоху и обманщика! Разделаюсь ли я с ним? Неужели он ускользнет от судебной власти, представителем которой я был в настоящий момент?

– Вправо! – восклицал Деливе. – Влево!.. Прямо!..

Мы словно неслись над землею. Межевые столбы казались маленькими, боязливыми животными, разбегавшимися при нашем приближении.

Вдруг на повороте дороги мы увидели клубы дыма; это был северный экспресс.

На расстоянии километра длилась упорная борьба. Подъезжая к станции, мы опередили поезд на двадцать шагов.

Через три секунды мы уже были на дебаркадере, у вагонов второго класса. Дверцы вагонов отворились. Несколько человек вышли из них, но нашего вора между ними ни оказалось. Мы осмотрели все отделения: Арсена Люпена и след простыл.

– Черт возьми! – воскликнул я. – Наверное, он узнал меня, пока мы мчались на автомобиле рядом с поездом. Он выпрыгнул из поезда!

Начальник станции подтвердил мое предположение. Он видел какого-то человека, летевшего вниз по насыпи в двухстах метрах от станции.

– Смотрите, вон он там, вон переходит путь...

Я бросился туда со своими провожатыми или, вернее, с одним, так как другой, Массоль, оказался настоящим скороходом, с огромным запасом выдержки и быстроты бега. В несколько минут расстояние, отделявшее его от беглеца, быстро сократилось. Заметив это, мошенник перескочил через забор и бегом пустился к откосу, по которому только что поднялся. Проясдив за ним, мы заметили, что он скрылся в роще. Дойдя до лесочка, мы нашли Массоля, который уже ждал нас. Он счел бесполезным искать вора в лесу один, так как боялся потерять нас из виду.

– Поздравляю вас, дорогой друг, – сказал я ему. – Пробежав такой конец, наш молодец должен изнемогать от усталости. Теперь он в наших руках.

Я осмотрел окрестности, обдумывая, какие меры принять, чтобы мне одному напасть на беглеца, самому оборудовать дело, в котором правосудие, без сомнения, не допустило бы меня принять участие, – разве только после долгих и неприятных хлопот. Потом я обратился к моим спутникам:

– Ну, дело в шляпе! Вы, Массоль, станьте налево, а вы, Деливе, направо. Оттуда вы можете наблюдать за опушкой всей рощи, так что ему не удастся выйти, не будучи замеченным нами, нигде, кроме этого рва, где стану я. Если он сам не выйдет из рощи, я пойду к нему и заставлю его выйти или на того, или на другого из вас. Вам остается только ждать. Ах да, я забыл, в случае тревоги – мы стреляем.

V. Арсен Люпен задерживает разыскиваемого полицией убийцу

Массоль и Деливе удалились, каждый в свою сторону. Как только они исчезли, я вошел в рощу, принимая всевозможные предосторожности, чтобы не быть замеченным. Роща, бережно сохранявшаяся для охоты, состояла из густого кустарника, прорезанного узкими тропинками, по которым можно было пробираться только согнувшись.

Одна из тропинок вела к прогалине, где на сырой траве были видны следы шагов. Я пошел по ним, осторожно прячась в кустах. Следы довели меня до подножия холма, на котором стояла наполовину развалившаяся каменная лачуга.

«Он, наверное, здесь, – подумал я, – обзорный пункт выбран удачно». Я прополз до самой лачуги. Легкий шорох удостоверил меня в присутствии беглеца, и, действительно, через отверстие в стене я увидел его: он стоял ко мне спиной.

В два прыжка я очутился возле него. Он попытался направить на меня револьвер, который был у него в руке, но я предупредил его, повалив на землю, так что он не мог двинуть рукою, и коленом придавил ему грудь.

– Послушай-ка, мой милый, – сказал я ему тихо, – я – Арсен Люпен. Ты сию минуту возвратишь мне мой бумажник и сумочку той дамы. За это я тебя избавлю от когтей полиции и запишу в число своих друзей. Ну, скорей, одно слово: да или нет?

– Да! – еле произнес он.

– Тем лучше. Твое сегодняшнее дело было прекрасно задумано. Мы с тобой поладим.

Я поднялся на ноги. Он, пошарив в кармане и выхватив внезапно широкий нож, хотел меня ударить.

– Глупец, – воскликнул я и одной рукой отразил нападение, а другой нанес ему сильный удар в то место, где находится сонная артерия. Он упал, оглушенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.